

富嶽三十六景 神奈川沖
波裏

СУНЬ-ЦЗЫ
ЛАО-ЦЗЫ

И ДРУГИЕ

БОЛЬШАЯ

КНИГА МУДРОСТИ

ВОСТОКА

Владимир Вячеславович Малявин

Лао-цзы

Сунь-цзы

Конфуций

**Большая книга
мудрости Востока
Серия «Большая книга
искусства и истории»**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51838528

Большая книга мудрости Востока:

ISBN 978-5-17-119541-0

Аннотация

Перед вами «Большая книга мудрости Востока», в которой собраны труды величайших мыслителей.

«Книга о пути жизни» Лао-цзы занимает одно из первых мест в мире по числу иностранных переводов. Главные принципы Лао-цзы кажутся парадоксальными, но, вчитавшись, начинаешь понимать, что есть другие способы достижения цели: что можно стать собой, отказавшись от своего частного «я», что можно получить власть, даже не желая ее.

«Искусство войны» Сунь-цзы – трактат, посвященный военной политике. Это произведение учит стратегии, тактике, искусству ведения переговоров, самоорганизованности, умению концентрироваться на определенной задаче и успешно ее решать. Идеи Сунь-цзы широко применяются в практике современного менеджмента в Китае, Корее и Японии.

Конфуций – великий учитель, который жил две с половиной тысячи лет назад, но его мудрость, записанная его многочисленными учениками, остается истинной и по сей день. Конфуций–политик знал, как сделать общество процветающим, а Конфуций–воспитатель учил тому, как стать хозяином своей судьбы.

«Сумерки Дао: культура Китая на пороге Нового времени». В этой книге известный китаевед В.В. Малявин предлагает оригинальный взгляд не только на традиционную культуру Китая, но и на китайскую историю. На примере анализа различных видов искусства в книге выявляется общая основа художественного канона, прослеживается, как соотносятся в китайской традиции культура, природа и человек.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Конфуций	7
Предисловие	7
Обсужденные речи	74
Глава I	74
Глава II	84
Глава III	96
Глава IV	101
Глава V	107
Глава VI	111
Глава VII	115
Глава VIII	122
Глава IX	127
Глава X	132
Глава XI	136
Глава XII	139
Глава XIII	145
Глава XIV	151
Глава XV	155
Глава XVI	161
Глава XVII	165
Глава XIX	170
Глава XX	172
Семейные предания о Конфуции	175

Разъяснения речей о мудрых царях
Конец ознакомительного фрагмента.

175

179

Большая книга мудрости Востока

© В. Малявин, автор текста, перевод, составление, предисловие, преамбулы к текстам, комментарии, 2020

© Е. Ямбург, комментарии, 2020

© И. Канаев, перевод, комментарии, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Конфуций

Великое учение

С комментариями и объяснениями

Предисловие

*Череда поколений подобна одному человеку,
который непрерывно учится.*

Б. Паскаль

Человек, получивший от современников почетное прозвище Кун-фу-цзы, что значит «почтенный учитель Кун», а в Европе известный под латинизированным именем Конфуций, жил две с половиной тысячи лет тому назад в стране, удаленной от Европы на десятки тысяч верст. Он не сделал политической карьеры, не одержал громких побед на полях сражений, не поразил мир гениальными открытиями и, будучи очень скромным, даже не оставил потомкам письменных поучений. Но ему удалось то, о чем может только мечтать каждый человек, и в особенности человек учительствующий: слава о нем облетела весь мир, а на его родине, в Китае, память о нем и сегодня заявляет о себе неоспоримой наглядностью материальных предметов. В лежащем у подно-

жия Шаньдунских гор городке Цюйфу, родном городе Конфуция, приезжому непременно покажут и старинную усадьбу рода Кунов, где живут прямые потомки – теперь уже в семьдесят восьмом поколении! – древнего мудреца, и могилу самого Конфуция. Нынче в Цюйфу каждый год проводят пышные празднества в честь первого Учителя Китая. Под грохот барабанов и завывания труб актеры, одетые в экзотические костюмы, с топорами и секирами в руках исполняют ритуальные танцы, которые доводилось видеть самому Конфуцию. И в воздухе, напоенном терпким запахом благовоний, звучат слова хвалебных гимнов величайшему мудрецу Китая:

Велик, велик, велик Конфуций!
Ему ведом вселенский путь вещей.
Он телом стал одним и с Небом,
и с Землей.
О, Учитель десяти тысяч поколений!..

Если заслуги учителя определяются тем, насколько его жизнь, его опыт и мысли продлеваются в его учениках, то Конфуция и в самом деле можно назвать величайшим Учителем всех времен: имя его стало подлинным символом мудрости целого народа, а память о его жизни, о его неповторимой личности сохранилась до наших дней. В чем же секрет этой необыкновенной жизненности наследия Учителя Куна? Ответ прост, но требует долгих размышлений: Конфуций

первым в истории открыл человека; он был учителем человечности в человеке. До Конфуция на земле были только боги или потомки богов – цари, герои, божественные предки. Конфуций с простотой, достойной основоположника великой цивилизации, провозгласил: у человека нет лучшего призвания, чем осознать себя человеком и стать творцом культуры – единственной реальности, которая целиком и полностью создается людьми. И в этом усилии самоосознания, высвечивающего в жизни Прекрасное, Возвышенное и Должное, человек, по Конфуцию, не уступает богам.

Что же, согласно Конфуцию, делает человека подлинно человеческим, что очеловечивает человека? Не что иное, как способность осмыслять свою жизнь, судить самого себя, совершенствоваться всегда и во всем – способность, данная человеку от природы и все же реализуемая нами через непрестанное и многотрудное усилие. В ней сходятся и приходят к равновесию, друг друга обуславливая, природное и культивируемое, знание и действие.

Но усилие самосовершенствования, как всякая практика, всякое искусство, не может осуществляться на пустом месте. Оно требует своего материала, и материал этот, как хорошо видел Конфуций, составляет ему культура, еще точнее – культурная традиция, в которой запечатлен опыт совершенствования, самоочеловечивания многих поколений людей.

В деле учительства должно цениться в первую очередь не оригинальное, даже не умное, а просто долговечное, непре-

ходящее, вечнопреемственное в нашем опыте. Воистину же неизбежно всякое мгновение жизни, озаренное светом разума. Культура, по своей сути, есть жизнь, наполненная сознанием и сознательно прожитая; жизнь неумирающая, ибо она простирается в вечность. А творчество, способность человека к самообновлению, открытию новых горизонтов своего бытия оказываются в итоге лучшим залогом человеческого постоянства.

Конфуций был первым и, может быть, самым убежденным и последовательным защитником культуры в человеческой истории. Этим определено его значение как педагога.

Если верить преданию, Конфуций родился в 551 г. до н. э. от весьма экстравагантного брака семидесятилетнего воина-ветерана и семнадцатилетней девушки. Еще в раннем детстве он лишился отца и вырос в доме матери, познав нужду и бедность. Но он причислял себя к служилому сословию и мечтал о славе государственного мужа. Однажды, лет шестнадцати от роду, Конфуций даже явился на званый пир в дом одного знатного вельможи, но привратник прогнал его со двора, заявив, что хозяин не принимает у себя таких оборванцев. Будущий «наставник всех поколений» не смутился и не озлобился, а продолжал все с тем же упорством готовить себя к государственной карьере. И был вознагражден за свое усердие. Вскоре он получил должность смотрителя амбаров, а потом смотрителя пастбищ в своем родном царстве Лу. Со временем необыкновенная книжная эрудиция и пре-

восходное знание старинных церемоний принесли ему известность при царском дворе, но сделать карьеру чиновника Конфуцию так и не удалось. Он был слишком прямодушен и искренен, чтобы выжить в обществе дворцовых интриганов. Несколько лет он провел в добровольном изгнании, сопровождая законного правителя царства. Позднее, уже занимая должность главного судьи царства Лу, он снова покинул родину, протестуя против неблагоприятного поведения государя. Четырнадцать лет Конфуций колесил по городам и весям, проповедуя принципы «доброго правления». Местные правители с почетом принимали знаменитого ученого, сочувственно выслушивали его и... вежливо выпроваживали. Никто из них так и не поверил словам Учителя Куна о том, что власть в этом мире дает не сила, а учение и добродетель. В конце концов Конфуций возвратился на родину и стал жить, как гласит предание, «в праздности», отдавая свое время ученым занятиям и воспитанию учеников.

Чего же добивался Конфуций? В чем черпал он силы противостоять нелегким жизненным обстоятельствам? Отметим, прежде всего, что жизнь Учителя Куна пришлась на время упадка династии Чжоу, когда страна распалась на множество самостоятельных уделов, а прежний жизненный уклад оказался поколебленным: в обществе усиливалось брожение, всюду зрели семена смуты и междоусобных войн. За пятьсот лет до Конфуция, когда чжоусцы завладели Китаем, их вожди объявили, что верховное божество, или Небо,

дало им власть над миром за их несравненные доблести. Результатом этой попытки оправдать воцарение дома Чжоу стало быстрое обмирщение чжоуской религии. С легкой руки чжоуских летописцев древние мифы превратились в назидательные исторические повествования, ведь с точки зрения чжоуских идеологов, люди сами предрешают свою судьбу. Возникло понятие Небесного Пути (тянь дао), которое обозначало исток мирового движения, судьбу всего сущего, стоявшую даже выше духов. Общения с божественными силами чжоусцы стали искать в самоуглубленности, нравственно оправдываемом самообладании. Так религия в чжоуской традиции постепенно заслонила этикой, жизнь праведная приобрела значение жизни правильной.

Впрочем, так было только в теории. В реальной жизни упадок авторитета старых богов вовсе не означал, что люди автоматически осознали собственную моральную ответственность. Конфуций был свидетелем острейшего кризиса традиционных духовных ценностей чжоусцев и испытал его последствия на собственном опыте. Он предложил свой, в общем-то, простой и ясный рецепт восстановления былого порядка: каждый человек должен сам понять глубокий нравственный смысл древних установлений и претворить его в своей жизни. Власть, не подкрепленная добродетелью, разрушает общество. Тиран может водворить в государстве порядок, он даже может создать в стране видимость благополучия, привести к процветанию науки и искусства, но он ни-

когда не сможет сделать людей счастливыми.

Итак, первый совет Конфуция для всех людей и на все времена: начни исправлять мир с самого себя; прежде чем поучать других, позаботься о собственном совершенствовании. Вот почему у Конфуция просто не было шансов добиться успеха в политике, которая прежде и превыше всего есть искусство манипулировать другими людьми. Но по той же причине он имел огромный успех в деле учительства и воспитания. В своем доме Конфуций открыл, кажется, первую в историю частную школу, где в разное время обучались несколько сотен учеников, из которых, по преданию, семьдесят «прославили свое имя».

Весь смысл деятельности Конфуция-политика и Конфуция-воспитателя сводился к восстановлению авторитета чжоуской традиции, в сущности, единственной культурной традиции, известной ему. Но как человек новой эпохи, как Учитель человечности Конфуций подверг серьезному пересмотру центральное для чжоуской культуры понятие «ритуала» (ли). Первоначально относившееся только к культовым поклонениям предкам и божествам, оно стало во времена Конфуция знаком мировой гармонии, средством нравственной самооценки человека, нормой красоты. По той же причине Конфуций со всей серьезностью относился к исполнению традиционных ритуалов: последние были в его глазах лучшим средством воспитания. Правда, значение их во все не сводилось к внешней обрядности. Ритуал для Конфу-

ция был, повторим, только поводом к самопознанию; в своем пределе он был некоей предвечной, как бы эмбриональной, вечносущей – ибо всецело сознательной – формой всех мыслей и душевных движений, некоей бесконечной действительностью, предваряющей, предвосхищающей все события, подобно тому, как семя в известном смысле уже содержит в себе плод. Познать ритуал означает, по Конфуцию, «держат на ладони весь мир», ведь в нем хранится предвечная матрица культуры, или, что то же самое, «семена всех вещей». Познать ритуал – значит прозреть внутреннее, лишь чаемое нашим сердцем совершенство каждой вещи. Сущность же ритуала, согласно Конфуцию, лучше всего выражает музыка – самая искренняя, самая понятная нам вестница полноты и гармонии жизни.

Так, предложенное Конфуцием размышление о нравственной значимости ритуала приводило к открытию главенства безмолвия и покоя в качестве символов, другими словами, истока и условия – всех слов и действий. Истинный ритуал заявляет о себе не чем иным, как бездействием; он есть не предмет, не деяние, а Присутствие. Мудрому правителю, для того чтобы повелевать миром, требуется, согласно Конфуцию, недвижно «сидеть лицом к югу и не более того». Конфуций и сам однажды немало удивил своих учеников, заявив, что «не хочет больше говорить».

«Но если вы, Учитель, не будете говорить, что же мы передадим потомкам?» – спросили ученики. «Разве Небо гово-

рит? – ответил Учитель Кун. – А ведь времена года исправно сменяют друг друга, и все живое растет. Разве Небо что-нибудь говорит?»

Позиция Конфуция не означает отказа от учительства. Китайский мудрец не хочет, чтобы только его индивидуальный, частный голос заглушал все многообразие голосов мира. Он хочет ГОВОРИТЬ языком полноты бытия. Не нужно говорить там, где правда жизни сама светится в каждом новом впечатлении, каждом жесте, каждом чувстве, где сообщение о некоем предмете целиком стало общительностью, приобщением к внутренней правде жизни. Здесь нужно лишь позволить кристаллу жизни светиться своим таинственным внутренним огнем.

Мудрый прозрачен: сияние небес просвечивает сквозь него... Оттого Конфуций не был философом, который выстраивает свою «систему мысли», закрепляя за словами какие-нибудь особые, им самим установленные значения. Оттого же позиции Конфуция, при всем ее педантизме, так свойственны ирония и даже добродушный юмор: не может не быть ироничным и шутливым тот, кто познал бессилие слова определить реальность и вместе с тем знает, что без слова человек не делает себя человеком.

Акцент Конфуция на ценности безмолвия – это тоже часть, и очень важная, Конфуциева оправдания культуры. Он напоминает о том, что все явленное – это только метафо-

ра, «превращенная реальность». Но метафора неустранима в нашем восприятии, и в этом необходимое условие существования культуры, всегда оправдывающей декоративное, орнаментальное, иносказательное в жизни.

Культура, воспринятая под знаком метафоры, предстает царством теней, следов, отблесков незримого. В этом смысле культура в самом деле бессмертна. Пусть исчезнет галактика – культура как момент «самопревращения» бытия, игры сущности с собственной тенью останется.

Выскажемся еще определеннее: апология безмолвия у Конфуция – это не только не отказ от учительства, но и самое решительное, самое радикальное его оправдание. Ибо учитель потому и учитель, что он непонятен, непрозрачен для учеников, овеян аурой тайны. Безмолвие – признак разделения на посвященных и не посвященных, и мудрецы в Китае превыше всего ставили «обучение без слов», т. е. такое обучение, которое побуждает возвращаться вновь и вновь к домыслимому, совершенно непосредственному и конкретному переживанию жизни. Перед смертью Конфуций говорил, что никто в мире не понял его. Вот, поистине, слова, достойные великого Учителя!

Становится понятным теперь, почему в наследии Конфуция такое огромное значение имеют именно материальные его атрибуты, декорум жизни Учителя. Быть причастным к Конфуциевой традиции – значит пребывать в «тени Учителя».

Главный источник для изучения взглядов Конфуция – книга, именуемая по-китайски «Лунь юй». Ее прежний общепринятый перевод – «Беседы и суждения», но правильное переводить «Обсужденные речи» или даже «Выбранные речи». Она представляет собой сборник отдельных высказываний Учителя, записанных учениками уже спустя много лет после его смерти. Настоящий предмет этой книги – не доктрина, а сама личность Учителя или даже, точнее, та часть его личности, в которой воплощается воля мудрого к самоустранению всего субъективно-ограниченного в нашем опыте, приведению себя к согласию с мировым порядком. Но будем помнить, что, преодолевая все частное в себе, «Учитель всех поколений» на самом деле входит в жизнь, претворяет свое индивидуальное бытие в неумиряющее родовое тело жизни. Отсюда столь странное для европейца сочетание торжественного пафоса книги и малозначительности, порой шокирующей тривиальности упоминаемых в ней деталей из жизни величайшего мудреца Китая. Мы узнаем, к примеру, что Конфуций одевался скромно и практично: летом носил «холщовый халат, непременно надетый на легкую рубашку, чтобы соблюсти различие между верхним платьем и исподним». У себя дома он носил отороченные мехом халаты с обрезанным правым рукавом – так было удобнее и для ученых занятий, и для различных хозяйственных работ. Постясь перед жертвоприношением предкам, он обязательно надевал платье из самой грубой материи, ел самую грубую пищу и не

сидел на своем обычном месте. А вот каких правил придерживался Учитель Кун за столом:

«Учитель не съедал весь поданный ему рис и все поданное на стол мясо. Он не ел прокисший рис и пищу, источающую дурной запах. Он не ел плохо приготовленную пищу и никогда не кушал в неурочное время. Он не ел пищу, если она не была нарезана, как принято, мелкими кусочками, и не принимал пищу, лишенную подобающей ей приправы. Даже если на столе было много мяса, он всегда ел больше риса, чем мяса...»

Конфуций умел держаться просто, но с достоинством. В часы досуга, сообщают ученики, он был «радушен и весел». Если рядом кто-то запевал песню, которая ему нравилась, он охотно подхватывал. При случае, чтобы поддержать застолье, он не отказывался от чарки вина, но «никогда не бывал пьян». Он даже не протестовал против веселых гуляний в дни деревенских праздников, резонно замечая, что у крестьян есть потребность время от времени отвести душу, ведь и «лук, если его держать всегда согнутым, теряет свою упругость». Однако, встретив человека, носившего траур, он неизменно «принимал торжественный вид» и был безупречно учтив даже с нищими слепыми музыкантами, которых люди из «хорошего общества» вовсе не замечали. Он никому не навязывал своего мнения, и в числе самых памятных качеств Учителя его ученики называют именно его деликатность. Но, когда обстановка того требовала, он про-

являл необыкновенную мужественность и не терял присутствия духа даже в минуту смертельной опасности.

Надо сказать, что Конфуцию было нелегко стать для своих современников всеобщим эталоном благовоспитанности. Природа наградила его грузным телосложением и весьма экстравагантной, если не сказать уродливой, внешностью: над его некрасиво выпученными глазами нависал необычайно массивный лоб, его уши были чрезмерно длинными, нос – толстым и мясистым, а из-под вздернутой верхней губы выступали наружу два неестественно больших передних зуба. На темени у него от рождения была глубокая вмятина, дававшая пищу для бесконечных пересудов. Кроме того, Конфуций отличался необычайно высоким ростом, за что его в молодости даже называли верзилой. И тем не менее благодаря многолетней работе над собой Учитель Кун в свои зрелые годы сумел снискать всеобщую симпатию современников и стать настоящим законодателем хороших манер.

И еще одна примечательная черта: жизненные правила Учителя Куна, как мы уже могли заметить, проникнуты заботой о здоровом и гармоничном образе жизни. В поведении и привычках Конфуция мы не найдем никаких причуд, никаких болезненных слабостей, которыми так часто отмечен образ гения в западной культуре. Известно, что Конфуций даже в старости был превосходным стрелком из лука и отличался недюжинной физической силой. Со временем в Китае его стали почитать, помимо прочего, и как одного из зачи-

нателей методик оздоровления.

На фоне такого исключительного внимания учеников Конфуция к любопытным, но, скажем прямо, не слишком примечательным нюансам повседневной жизни их Учителя становится еще заметнее отсутствие в составленной ими книге каких-либо систематических сведений об учении Конфуция и даже о его биографии. Авторам «Обсужденных речей» дороги каждое слово и каждый жест любимого наставника, для них в его жизни нет ничего незначительного – и это счастливо избавляет их от необходимости судить о «главном» и «второстепенном» в наследии Учителя. Они создали самый ранний в истории человечества портрет человека как он есть. Портрет настолько не приукрашенный и живой, что кажется даже не портретом, а как бы словесным слепком своего прототипа, явленным, подобно настоящему отпечатку тела на бумаге, в хаотической россыпи пятен, штрихов, нюансов тона. И эти блики потаенного света не столько выявляют некий внешний образ личности, сколько зывают к глубине сознающего (следовательно, нравственного) сознания. Перед нами, если говорить точнее, портрет человека, претворяющего в опыт человечность, – общий для всех и каждому внятны. Правда бесед Учителя Куна с его учениками – это встреча сердец, всегда неожиданная и все же ожидаемая, мимолетная, но оставляющая о себе бесконечно ДОЛГУЮ память. Это сама правда ритуала – события, нескончаемо воссоздающегося в потоке времени.

Так со страниц «Обсужденных речей» в нас входит образ человека, словно разрастающегося в людях и поколениях, извечно претворяющего себя в иную жизнь. Этого человека мало понимать. С ним нужно прожить жизнь – долгую, углубленную.

Если мы уловим присутствие в «Обсужденных речах» некоего затаенно-эмоционального подтекста, тех почти бессознательных чувств и порывов, которыми питается очарованная душа, если мы доверимся этому подтексту, мы поймем, почему авторы этой книги, при всем их благоговейном внимании к деяниям и словам Учителя Куна, остались равнодушны и к хронологии, и даже ко многим ключевым датам его жизни. Дело в том, что в жизни Конфуция их интересовали не факты, а события, имеющие силу духовного воздействия, еще точнее – сама событийность разных жизненных миров, безмолвная встреча человеческих сердец. Из фактов складывается биография, из событий получается нечто другое – может быть, житие, может, драма, а может, серия анекдотов с назидательным выводом. Исторически словесная мозаика «Обсужденных речей» с ее краткими, часто маловразумительными сентенциями, обрывками разговоров, записями житейских случаев и прочим, и в самом деле отлилась в две литературные формы: афоризм и анекдот. И то и другое указывает на предел развития конфуцианской словесности, когда слово из сообщения о чем-то становится безмолвной – мечта Конфуция! – со-общительностью людских душ. Ведь

афоризм и анекдот рождаются, собственно, из внезапно открывшегося понимания ненужности говорения. Они упраздняют сами себя, ибо сообщают о том, о чем говорить невозможно и не нужно.

Афоризм и анекдот – главное средство наставления у китайского Учителя, который хочет устранить себя для того, чтобы явить необозримую полноту жизни. Они равно чужды бесстрастности логического тезиса и пристрастности субъективного самовыражения. В сущности, они очерчивают пространство музыкальных созвучий мировой души, в котором пребывает символическое – всегда лишь чаемое – «тело» традиции.

При подготовке этой книги к печати соблазнительно было расположить изречения Конфуция и его учеников по отвлеченным тематическим рубрикам. Но в конце концов составитель решил сохранить традиционную, по виду «хаотическую» композицию книги. Такая композиция сама по себе имеет огромное воспитательное значение, ибо она-то и учит завещанной Конфуцием духовной «настройке слуха», помогающей с вниманием относиться к любой мелочи, прозревать неизменное и великое в как бы случайном и частном. Превыше всего она учит постигать сущность вещей в том, что кажется лишь побочным, орнаментальным. В усадьбе рода Кунов хранится старинный портрет Конфуция и двух его учеников, края и складки одежды которых выписаны крохотными иероглифами текста «Обсужденных речей». Труд-

но придумать более наглядную иллюстрацию существа Конфуциева слова: скромного и практичного, как предметы домашнего обихода, сказанного всегда «к случаю», предназначенного быть усвоенным не просто умом, но сердцем, даже «всем существом», и притом слова-орнамента, прикрывающего, как всякое украшение, символическое тело предания...

Учитель, достойный своего звания, должен быть загадочен, в известном смысле даже непонятен для ученика. Настоящий учитель – это всегда тайна. Есть какая-то неизъяснимая тайна в стремлении создателей книги о Конфуции выхватывать в жизни Учителя ее самые обыденные, непритязательнейшие черты, подобно тому, как объектив бинокля выхватывает неприметные невооруженному глазу детали пейзажа. Внимательный и вдумчивый читатель узреет в самом факте фиксации этих простых житейских «случаев» свидетельства особенной чувствительности духа, знаки внутренних озарений, как бы пробуждений сознания, когда мы словно в первый раз видим знакомые вещи и с изумлением открываем мир заново. В конечном счете эти тонкие узоры многоцветного полотна внешней жизни приоткрывают нам таинственную глубину жизни внутренней, где бесчисленные творческие метаморфозы свершаются в светоносном и безмолвном, как само Небо, просторе сознания, открывшегося полноте бытия, полноте символической, которая сродни невообразимому совершенству музыкальной гармонии. И

недаром Учитель Кун более всего ценил в своих учениках способность «по одному углу квадрата опознать три остальных», за единичным событием увидеть вечносущий Путь.

Конфуций как раз и обозначал эту просветленную, сверхприродную жизнь сознающего сердца понятием *тянь*, что означает «небо». Небо для Конфуция – внутренняя реальность, и притом вмещающая в себя всю бессмертную «мудрость предков». Именно Небо, по утверждению самого Конфуция, даровало ему знание просвещенной жизни – *вэнь* (этот термин обычно передается в европейских языках словом «культура»). Небо, в понимании Учителя Куна, – это среда и сила жизненного творчества, беспредельное поле человеческой общительности.

О «небесной» тайне в своей судьбе Конфуций говорил неохотно, все больше намеками. Но он любил повторять, что «жизнь во имя Неба» требует особой и, надо сказать, малознакомой европейцу аскезы, которую можно назвать аскезой культуры. В формах культурной традиции он искал свидетельства самозабвенно-вольного парения духа. Ученики Конфуция сохранили известие о том, что их Учитель, услышав однажды звуки древней музыки, «три месяца кряду не чувствовал вкуса мяса». Сам Конфуций называл себя человеком, который «спит, подложив под голову локоть вместо подушки, и так поглощен учением, что не замечает надвигающейся старости». Наконец, Учитель, достойный этого звания, не просто знает заветы древних, но умеет «хранить теп-

лю» древности, иначе говоря – внутренне, интимно соприкасается с «небесным» апофеозом жизни.

Сияние «небесной» мудрости опознается только по отблескам его в земной жизни. Истинный мудрец говорит лишь через своих преемников. Мы не можем «читать Конфуция» (который ни слова не написал от своего имени); мы можем только читать о Конфуции и благодаря Конфуцию. Но и сам Учитель лишь сообщает об истине, высказываясь по тому или иному поводу. «Излагаю, а не сочиняю. Верю в древнее и люблю его» – гласит одно из самых знаменитых изречений первого мудреца Китая. Правда традиции не принадлежит даже ее творцу. Эта правда предвечна, всегда уже задана мысли и опыту. Всякое слово – лишь тень и отблеск ее незримого тела. Самое имя «Конфуций» есть обозначение того, кто первым вступил в безначальный и бесконечный поток «небесного» бытия; кто первым ОТКРЫЛ нравственную природу сознания и постиг свое бессмертие в самом акте общительности людских сердец. И поэтому правда традиции – не идея, не вещь, не кумир, а лишь выверенное, правильно ориентированное движение. Она есть подлинно Путь (*дао*) всего сущего. Жизнь же в правде есть вечное учение: поиск направленности своего пути, органически – цельное произрастание души.

Да, «учение» Конфуция есть только его жизнь и ничего более. Но это жизнь, не вмещающаяся в биографию, в «описание жизни». Словно музыкальный аккорд, она навевает па-

мать о незапамятном и наполняет сознание ликующей радостью неисповедимых перемен...

Конфуций сам поведал о своем *пути очеловечивания* в следующих словах:

«В пятнадцать лет я обратил свои помыслы к учению.

В тридцать лет я имел прочную опору.

В сорок лет у меня не осталось сомнений.

В пятьдесят лет я знал веленье Небес.

В шестьдесят лет я настроил свой слух.

А теперь в свои семьдесят лет я следую зову сердца, не нарушая правил».

Загадочные и все же простые слова. Слова, вместившие в себя весомость человеческой судьбы и потому не нуждающиеся в риторических красотах. Исповедь, высказанная чуть ли не с протокольной аккуратностью, но обозначающая вехи сокровенного пути человеческого сердца. Пожалуй, более всего в ней удивляет то, что духовный рост Конфуция сливается с ритмом биологических часов его жизни, что моменты внутренних прозрений отмерены общепризнанными рубежами общественного мужания человека: пятнадцать лет, тридцать, сорок... По Конфуцию, человек умнеет, как идет в рост семя – неостановимо, произвольно и нескончаемо: нет предела совершенству. Это органическое мужание духа не знает ни драматических поворотов судьбы, ни каких-либо «переломных моментов». Но оно, конечно, не приходит

само по себе, а требует большого мужества, ибо предполагает способность постичь свою границу, превозмочь себя, прозреть неизбывное в «прахе мира сего». Мудрость Конфуция – это смыкание духа и тела в бытии культуры как жизни вечнопреемственной. Она есть свобода, но свобода выверенная, безупречная, ибо целиком нравственная.

Но что же связывает эти на первый взгляд совсем разные состояния души Конфуция: «прочная опора», «отсутствие сомнений», «чуткий слух»?.. Мы знаем лишь исход Конфуциева совершенствования: безукоризненная и, кажется, именно поэтому всегда незаконченная, открытая в будущее гармония ЧУВСТВ И рассудка, естества и ИСКУСНОСТИ. Гармония, выработанная многолетним усилением воли, но ставшая уже «второй природой». А вот содержание этого усилия и есть «небесное» бытие – вечно живой момент духовного пробуждения. Конфуций никогда не говорил о таких вещах прямо. Но однажды он заметил, что стал знаменитым Учителем не потому, что много знает, а потому, что все его наставления «пронизывает одна нить». Таков главный завет первого мудреца Китая: СТЯНУТЬ человеческую жизнь в ОДНУ НИТЬ судьбы.

Сегодня мы можем сказать, что Учитель Кун впервые в Китае, а может быть, и во всем мире показал значение символического языка КУЛЬТУРЫ для образования и воспитания человека. Это значение раскрывается в двух основных измерениях.

Во-первых, в формах культуры воспроизводится матрица человеческой практики – как материальной, так и ДУХОВНОЙ. Усвоение этих форм, представляющих собой плоды типизации человеческой деятельности, позволяет ученику реально претворить в своей жизни символическое «тело» традиции и обрести бессмертие в бытовании культуры. Именно такой характер, заметим, носило традиционное обучение в Китае, заключавшееся в усвоении учеником репертуара типовых форм того или иного искусства: художнику надлежало усвоить типовые элементы картины, музыканту – закрепленные традицией аккорды, и в любой жизненной ситуации ученому человеку полагалось соблюдать соответствующие нормы поведения. Ученость, таким образом, была неотделима от воспитанности и обладания хорошим вкусом. Требование усвоить матрицу всех действий обеспечивало фундаментальный характер самого обучения, а фундаментом всего воспитания и обучения оказывалось возвращение моральной воли в ученике. Человеческая личность, или, точнее, жизнь, вечно бодрствующее (и, следовательно, моральное) сердце в Конфуциевой традиции первично и важнее отвлеченного знания. Отсюда известное китайское изречение, гласящее: «В руках хорошего человека плохой метод становится хорошим, а в руках плохого человека и хороший метод плох».

Во-вторых, обучение, согласно Конфуциеву «проекту», предполагает познание ценности культуры как *декорума* бы-

тия. Педагогический гений Конфуция сказался, быть может, более всего в его понимании несостоятельности и бесплодности всякой заданности и декларативности в обучении. Претензия учителя на обладание истиной, мнимая многозначительность суждений, плоское резонерство неизбежно приводят к догматизму и способны вызвать в ученике лишь протест против истин, которым его обучают. Человека нельзя «выковать» по какому-то заданному плану: реальные результаты такой «ковки» окажутся противоположны задуманному. Конфуций (и свидетельством тому является уже сам текст «Обсужденных речей») учил открывать главное через частное, важное – через незначительное, вечное – через случайное. Он умел избежать насилия над учеником. Но в широком смысле успешно обучать способен лишь тот, кто умеет, говоря об одном, открывать другое – не изреченное в словах. Конфуций и сам говорил, что он берет в обучение лишь тех, кто способен «понять три, когда им указывают на одно». Только так обучение не закрепощает ученика, а наоборот, делает его свободным.

В широком смысле обучение, по Конфуцию, преследует цель развить духовную чуткость, чувствительность ученика: последний, усваивая формы культуры, научается не только видеть в них плоды духовного подвижничества человека, но и ценить уникальность каждого нюанса опыта. Конфуций открыл одну великую истину: только подлинно образованный человек может сделать мир свободным, ибо ему доступно по-

нимание неповторимости, уникальности каждого мгновения осознанной жизни, каждой человеческой личности, каждого места, о котором можно сказать: «Здесь был человек».

Как ни скупы, ни отрывочны записи «Обсужденных речей», они позволяют составить общее представление о педагогическом методе Конфуция. Надо сказать, что этот человек, так радевший о возрождении древних порядков, внес в дело обучения немало нового. Пожалуй, более всего поражает его радушие: знаменитый Учитель не без вызова заявлял, что готов принять в ученики всякого, кто принесет ему в качестве платы за обучение «связку сушеного мяса». Прежде в Китае учительствовали исключительно высокопоставленные чиновники, которые брали в учение только детей из знатных семейств. Конфуций первым стал обучать простолюдинов, почти не имевших надежды поступить на царскую службу. Он любил повторять:

«В обучении не должно быть различия между людьми».

Таким образом, Конфуций впервые в ИСТОРИИ стал ратовать за равенство всех людей в обучении, за предоставление всем равных возможностей учиться. Это поистине революционное новшество стало возможным потому, что Конфуция интересовало не происхождение его учеников, не их жизненные планы, даже не их способности, а прежде и превыше всего – сами эти ученики как личности. Его интересовало просто человеческое в человеке. Он никогда не судил о людях, если не встречался с ними лично и не мог сам соста-

вить о них суждение. Поднявшись выше сословных предрас-судков и всех предубеждений о человеке, он пришел к одной простой истине – истине настолько здравомысленной и всеобщей, что в наши дни она стала одним из девизов ЮНЕСКО:

«По своей природе люди друг другу близки, а по своим привычкам друг от друга далеки».

Итак, в человеке Конфуция интересовал сам человек. Этим обуславливаются особенности его учительского метода. По традиции в школах чжоуского Китая изучались так называемые «шесть искусств», потребные молодым аристократам: чтение, счет, музицирование, правила хорошего тона и воинские искусства – стрельба из лука и езда на боевой колеснице. Конфуций, конечно, нисколько не подвергал сомнению традиционную программу образования, ведь в ней воплощались неумирающие ценности столь любимой им «древности». Он и сам был одним из самых начитанных людей своего времени, прекрасно владел счетом и был отличным стрелком из лука. Но он же был и заклятым врагом всякой формалистики и всякого техницизма в обучении. Учитель Кун совсем не был похож на хорошо знакомый всем нам образ преподавателя-профессионала, который является в класс по часам, чтобы преподать учащимся «знание предмета», а в остальное время живет своей личной жизнью, порой очень далекой от того, что он проповедует в классе. Главный завет Конфуция: будь мастером не ремесел, а соб-

ственного сердца, постигни смысл жизни в самоуглубленной работе сознания, для которой не требуются ни технические орудия, ни власть, ни даже признание общества.

Для Конфуция учение настолько сливалось с жизнью, что зачастую трудно понять, где в его школе кончается одно и начинается другое. Юноши, по обычаю поклонившиеся ему как отцу-наставнику и поднесшие в знак преданности подарки, приходили в дом Учителя на целый день, а часто постоянно жили в нем, помогая по хозяйству. Не существовало ни установленных часов для занятий, ни программы обучения, ни чего-либо похожего на экзамены. Обычно с раннего утра, сразу после завтрака, ученики собирались в главном зале учительского дома, где хозяину полагалось встречать гостей. Поклонившись Учителю, ученики рассаживались друг против друга вдоль западной и восточной стен комнаты, а Учитель садился между ними перед северной стеной, где находился алтарь предков – самое почетное место в доме. В погожие дни он выходил во двор и усаживался в тени любимого абрикосового дерева (отчего его школа получила в истории название «Абрикосовый алтарь»).

Конфуций не читал лекций, не проверял знаний учеников, даже не толковал древние книги. Он обучал и воспитывал посредством свободной беседы, более непринужденной, чем философские диалоги Сократа, но отнюдь не бездумно-поверхностной, а рождаемой опытом постижения человечности в человеке, осмысленной и нравственной в каж-

дом ее слове. Говорил лаконично, весомо, с какой-то ненавязчивой, но неоспоримой убедительностью. Иногда он отвечал на вопросы, изредка спрашивал сам, а чаще молча слушал разговоры учеников. Никаких споров ради познания истины, никаких умствований с целью вывести «общие правила» мудрой жизни; участники этих занятий только сопоставляли и размышляли, стараясь извлечь для себя урок – для каждого свой. Постоянной спутницей занятий была музыка – этот прообраз «небесного» ритма бытия, – которая связывала собеседников незримыми узами гармонических созвучий, очищала от мирской пошлости, дарила отдохновение от споров и размышлений. Конфуций не оставлял учительской деятельности и во время своих странствий, в которых его всюду сопровождали самые верные ученики. Конфуций не считал своей задачей преподавание каких-либо специальных и технических знаний. Однажды он даже рассердился на ученика, спросившего его о чем-то по части земледелия, и посоветовал обратиться к старому крестьянину – уж тот-то наверняка знает лучше! Учитель КУН занимался не тем господствующим ныне видом обучения, который принято называть «функциональным», а духовным ростом личности: задача его учительства – выправление всех движений человеческой души, самопроизрастание человека. Для него обучение находит себе пищу во всякой жизненной ситуации, всяком нечаянном чувстве, каждой мысли – во всех тех многозначительных случайностях, из которых складыва-

ется осмысленно прожитая жизнь. Он, конечно, не отказывался от усилий познания, но ему был чужд интерес к отвлеченным, логически выводимым истинам. Он учил не столько правильно мыслить, сколько правильно действовать и даже, если угодно, правильно чувствовать. Он выводил знание из жизненного опыта и не видел в нем никакой ценности, если его нельзя было к этому опыту приложить.

«Наверное, есть люди, которые берутся за дело, не обладая знанием, но я такой ошибки не делаю, – говорил он. – Я внимаю всему, что слышу, и следую всему доброму из того, что услышал. Я всматриваюсь во все, что происходит вокруг, и следую всему доброму из того, что увидел».

Еще более известное изречение Конфуция гласит:

«Даже в обществе двух человек я непременно найду, чему поучиться. Достоинствам их я буду подражать, а на их недостатках сам буду учиться».

Конфуций не уставал повторять, что простейшие жизненные добродетели – самообладание, здравый смысл, скромность, усердие – способны мало-помалу привести любого человека к вершинам мудрости, сделать его хозяином собственной судьбы. Путь Конфуция до предела разумен и естествен: на пути нравственного совершенствования нужно исходить из того, что нам задано семьей, обществом, всей культурной традицией, что, по слову самого Конфуция, «лежит поблизости». Воспринимая то, что задано нам самой жизнью, нужно искать смысл явлений, постепенно расширяя

свое понимание на весь мир. Понимание же природы вещей развивает в нас способность критически оценивать себя и тем самым – преображаться самим. Великие свершения начинаются с малых дел.

Учение по Конфуцию – занятие в высшей степени естественное. По собственному, слегка ироничному замечанию Конфуция, он учил людей «входить в комнату через дверь». Разве нужно объяснять людям пользу дверей? Тем более были непонятны Учителю Куну те, кто отворачивается от очевидных истин. «Того, кто отвергает правила, а сам живет несправедливо, – говорил он, – кто не имеет знаний, а в себе уверен, кто ничего не умеет, но не ищет надежных друзей, я совершенно не могу понять».

Загадка Конфуция, загадка неиссякаемой жизненности его наследия, как раз и состоит в том, что Учитель КУН не учил «ничему особенному». Чтобы понять учительское кредо Конфуция, нужно пойти дальше школьных регламентов и научиться жить сокровенным единением людских сердец – материи настолько деликатной и интимной, что она не укладывается ни в какие определения и прячется под покровом иносказаний, недоговоренности, иронии. Никакие доказательства и опровержения, никакие похвалы и запреты не могут ничего изменить в этой внутренней правде человеческой жизни. Всякий, кто искренне желает стать учеником и искать причастности к опыту человеческой общительности, заслуживает внимательного и радушного об-

ращения. Учитель не может унижать его подозрительностью, мелочной опекой, разговорами о пустяках, суетливым репетиторством. Равным образом учитель не обязан выделяться необыкновенной эрудицией и благочестием – ему следует делать лишь то, чему и другие смогут подражать. Ибо человека делают учителем не обширные познания и не мастерство само по себе, а умение точно выбирать слово, жест и поступок, действовать всегда «ко времени». Речь идет, в сущности, о тонком чувствовании человеческой общительности. Мудрый умеет быть заодно с другими, не уподобляясь никому. Он живет творчески – в духе изречения Конфуция:

«Хороший человек не будет идти там, где уже прошел другой». Постаревший и предавшийся возвышенной «праздности» Учитель стал время от времени предлагать ученикам новое занятие, которое получило название «отпускать на волю свои думы». Он просил учеников рассказать об их заветных мечтаниях: что бы они сделали, если бы... если бы могли делать то, что хотели. Вроде бы праздный разговор о том, чего нет и даже, пожалуй, быть не может, а все-таки есть немалая польза и в фантазиях, если они помогают людям лучше понять самих себя и поверить в свои силы. Более того, нельзя обойтись без воображения там, где, как в школе Конфуция, много говорится намеком, и мысль всегда должна идти «дальше слов». Мудрый Учитель Кун знал: чтобы воспитать человека, нужно только помочь ему развиваться свободно.

К сожалению, даже в «Обсужденных речах», составлен-

ных учениками Конфуция уже спустя десятки лет после смерти Учителя, крайне скупо и бледно отображена эта атмосфера почти не требующего слов искреннего и доверительного общения, единения родственных сердец, совместного поиска истины. Эта хрупкая, тихая музыка просвещенной жизни и составляла главный секрет Конфуциевой школы. Во всяком случае, внимательное чтение этой книги позволяет увидеть в Конфуции отнюдь не догматика и педанта, а человека, наделенного тем недюжинным чувством юмора и вкусом к иронии, которые всегда сопутствуют *живому* творчеству и подлинно дружеским отношениям. В позднейшей традиции этот безмолвный подтекст Конфуциева обучения был и вовсе утрачен. Неповторимое обаяние Конфуция-наставника угасло. Его заслонили хрестоматийно-холодные образы доктринера, моралиста, мудреца-сверхчеловека, даже мистического «тайного царя» мира... Все же текст «Обсужденных речей» со всей ясностью свидетельствует о неизменно дружелюбном и уважительном отношении Конфуция к ученикам, его способности прощать ученикам их слабости, даже их проступки, если за ними нельзя было усмотреть злого умысла. «Нельзя относиться свысока к юным, – говорил Конфуций. – Как знать, может, став взрослыми, они прославят свое имя на весь мир!» Только тот, кто к сорока годам ничего не добился в жизни, достоин, по мнению Конфуция, осуждения. Любовь к молодому поколению не мешала Конфуцию предъявлять ему высокие, неслыхан-

ные в то время, требования к тем, кто приходил к нему за наукой. Не раз он повторял, что считает годными к обучению только тех, кто «изо всех сил» стремится познать праведный Путь и притом умеет думать сам. Он отказывался тратить время на бездарей и лентяев. Он не любил тех, кто учился ради собственной выгоды, чинов, богатства или славы, – хотя и признавал со свойственным ему здравомыслием, что в мире «трудно найти человека, который мог бы отдать три года жизни учению, не позволяя мечтам о наградах завладеть собой». И еще он считал ниже своего достоинства говорить с тем, кто, вступив на стезю учения, стыдился своей бедности, для благородного человека позорно зависеть от так называемого «мнения света». Он всегда отдавал предпочтение тем ученикам, которые умели жить внутренним усилием воли и не рвались демонстрировать миру свои знания и таланты. Его любимцем был Янь Юань – очень бедный, очень скромный и очень усердный в учебе юноша. К великому огорчению учителя, Янь Юань умер молодым, не сумев стать продолжателем его дела.

Как бы там ни было, Конфуций с самого начала уповал на добрую волю самих учеников, справедливо полагая, что заставить УЧИТЬСЯ силой невозможно. Его бережное обращение с учеником особенно выделяется на фоне чрезвычайно ритуализированного быта людей его круга, да и его собственных, весьма педантичных манер. Он умел быть деликатным: без обиняков выговаривая ученикам за их прома-

хи и недостатки в беседах с глазу на глаз, он всегда брал их под защиту перед посторонними. Но он знал и самое могучее средство для завоевания преданности учеников: самоотверженно служить своим идеалам. Разве не показал он собственной жизнью, как можно добиться почета и славы не наследственными правами и лестью, а единственно усердием, честностью, талантом, жадной жаждой знания? Выходец из низов, к тому же, как мы уже знаем, наделенный далеко не привлекательной внешностью, он сумел завоевать репутацию образованнейшего человека и лучшего знатока хороших манер.

Признавая с готовностью свое несовершенство, Учитель Кун не отказывал себе только в одной добродетели: любви к учению. «В любом селении с десятков домов найдутся люди, не уступающие мне в добродетели, но никто не сравнится со мной в любви к учению!» – говаривал он. Конфуций первым стал УЧИТЬ других самым трудным, но и самым возвышенным способом – собственной жизнью. И еще он умел быть справедливым: он мерил всех учеников единой мерой – успехами в учении. Исключения он не делал даже для собственного сына и с горечью признавал, что тот не оправдал его надежд.

Конфуций учил... учиться. И не более того. Да большему и нет нужды учить: взрослый человек, даже не обладая выдающимися талантами, за короткий срок освоит любую науку. А вот для того, чтобы научиться воистину быть, требуются многие годы, если не вся жизнь. Впоследствии ученики

Конфуция сошлись на том, что их Учитель обучал четырем вещам, «словесности, благодетельному поведению, преданности и доверию». Образованность и учтивые манеры – верная примета возвышенности духа, которой требовал от своих учеников Учитель Кун. А взаимная преданность учителя и ученика, их безмолвно доверительное общение, их совместное вслушивание в музыкальный поток жизни как раз и составляли подлинный смысл и цель учения по Конфуцию.

Какие же качества потребны учащемуся, чтобы осуществить педагогический «проект» Конфуция? Прежде всего, воля к учению, к совершенствованию себя. Этой волей держится всякое искусство и сам ритуал, который являет собой не что иное, как безупречный жест, четко выверенное действие. Вспомним, что Конфуций, по его словам, к тридцати годам «имел прочную опору». Именно в воле к совершенствованию человек обретает полную внутреннюю самостоятельность, становится неприступным и неуязвимым для всех внешних сил. «Даже могущественнейшего полководца можно лишити войска, но даже последнего простолюдина нельзя лишити его воли», – не без иронии говорил Конфуций. Даже смерть не властна над человеком, обладающим волей к «превозмоганию себя», изживанию в себе всего субъективного и преходящего. Конфуций и сам являл образцы редкого мужества и самообладания в минуты смертельной опасности. Предание гласит, что однажды он вместе с учениками был окружен враждебным войском и несколько дней ничего

не ел. В конце концов ученики стали сетовать на то, что их «довели до крайности», но Учитель, продолжавший как ни в чем не бывало читать книги и играть на лютне, оборвал малодушных, сказав. «Благородного мужа можно довести до крайности, но из него нельзя сделать ничтожество!»

Если бы мы могли спросить Учителя Куна, откуда берется в человеке воля к совершенствованию себя и почему в учении нужно следовать непременно чжоуским обрядам, он, скорее всего, просто не понял бы нашего вопроса. Может быть, добродушно улыбнувшись, он ответил бы, что с таким же успехом можно спрашивать у рыбы, почему она живет в воде. Для Конфуция чжоуская культурная традиция была не только единственной на Земле, но и единственно возможной. А что касается происхождения воли, то тут Конфуций мог бы заметить, что сознание не может не стремиться все осознать и что призвание человека – очеловечить себя...

Свой человеческий идеал – человека, очеловечившего себя, – Конфуций обозначал словом «цзюнь цзы», которое в русской литературе обычно переводится как «благородный муж». Главная черта благородного мужа, по Конфуцию, – способность быть полновластным господином самого себя. Это человек высоких моральных качеств, образованный и воспитанный, умеющий совместить культивированность и естественность – аристократ не столько по крови, сколько по духу. Он не ведает страха и спокойно принимает удары судьбы, ибо знает, что всегда служил добру и его совесть чиста.

Он «ничего заведомо не отвергает и не одобряет в мире, но в каждом деле берет мерой должное». Им нельзя распоряжаться как вещью или орудием. Ему легко повиноваться, потому что он требует от других только то, что им доступно, но ему трудно угодить, ибо он ценит людей не за услуги, ему оказанные, и даже не за их профессиональные качества, а единственно за бескорыстное служение правде. Он не стремится быть как все, презирает стадность и ни с кем не вступает в сговор, но умеет ладить со всеми и без усилий держит людей в поле своего притяжения. Привлекает же он людей тем, что живет не для себя и не для своей славы. Вообще же Конфуций мудрец идет в жизни «срединным путем»: он держится неприметно, но ничего не утаивает; его жизнь скромна, но свободна от обыденщины, безмятежна, но исполнена духовной углубленности, непритязательна, но лишена суетности. У благородного мужа есть антипод – так называемый низкий человек (сяо жэнь). Таков тот, кто в своих поступках руководствуется лишь соображениями личной выгоды, кто повсюду ищет сообщников, но не уважает ни окружающих, ни себя, кто домогается милостей, а получив желаемое, забывает о благодарности. Заискивающих перед «общественностью» Конфуций откровенно презирал. «Любимчик деревни – вор добродетели» – гласит одно из самых язвительных его изречений.

Вращивание в себе воли выводит человека за пределы его индивидуальной жизни, укореняет его в вечности. В усилиях

самоосознания человек становится причастным к нескончаемому потоку одухотворенной жизни. Оттого же, согласно Конфуцию, человек может быть учителем не потому, что он все знает или даже знает что-то особенное, а потому, что он «знает, где остановиться», знает пределы своего знания, так сказать, знает незнание. И сам Конфуций учительствовал, не претендуя на высшую мудрость, а лишь обладая «волей знать». Тот, кто стремится познать границы своего знания, неизбежно испытывает, по Конфуцию, чувство стыда, но этот стыд – принадлежность внутреннего созерцания мудреца, и он не имеет отношения к этикетной стыдливости. «Ученый, стыдящийся своей одежды! Я не знаю, о чем тут можно говорить», – заметил как-то Учитель Кун.

Знать пределы известного, быть общительным с неведомым истоком своего бытия означало, согласно Конфуцию, знать свою Судьбу и научиться «радоваться Небу», ведь таким образом человек прозревал бездонную, всеобъемлющую и возвышенную, как само Небо, полноту своей природы, и это прозрение давалось как радостное открытие бесконечности человека в самой конечности его существования. Сам Конфуций не уставал повторять, что учение дарит человеку самую чистую, самую мудрую радость.

Главное качество благородного мужа, воспитываемое правильным образованием, Конфуций называл «человечностью» (жэнь). Иероглиф «жэнь» состоит из знаков «человек» и «два», т. е. он обозначает отношения между людьми, так

сказать, «межчеловеческую» реальность. Впрочем, Конфуций каждый раз определял человечность по-новому. Одному ученику он ответил, что быть человеческим – значит просто «любить людей». В другом случае он разъяснил смысл человечности словами своей знаменитой максимы: «Не делай другому того, чего себе не желаешь». Человечность у Конфуция – не столько сумма, сколько мера всех добродетелей, мера социальности человека, которая дает смысл нравственным ценностям, но не позволяет абсолютизировать их. По Конфуцию, человек сановник, сберегший себя в водовороте дворцовых интриг. Но человечны и древние отшельники, которые уморили себя голодом, протестуя против несправедливой власти. Человечный человек доверчив и радушен, поэтому его легко ввести в заблуждение. Однако именно он «первым распознает обман», ибо не ослеплен теми иллюзиями, которыми пользуются для своей выгоды разные ловкачи.

В сущности, человечность – это ПУТЬ каждого человека к себе. Она делает человека мостом между тем, что он есть, и тем, чем он должен быть. Человечность, гласит одно из самых поразительных суждений Конфуция, обретается человеком лишь после того, как он «свершит самое трудное в своей жизни». И все же она доступна каждому в каждое мгновение жизни. «Разве человечность далеко от нас? – риторически вопрошал Учитель. – Стоит мне возжелать ее, и она тут же оказывается рядом».

В другом примечательном высказывании Конфуция уточ-

няется отношение морального идеала Учителя Куна к знанию. Это высказывание гласит:

«Знающие радуются водам. Человечные радуются горам. Знающие деятельны, человечные покойны. Знающие наслаждаются жизнью, человечные живут долго».

Как видим, даже говоря о человеческом совершенстве, Конфуций не мог отказаться от идеи иерархии и необходимости совершенствования. По его словам, как ни завидна участь «знающих», все же «человечные» стоят выше них, ибо они не просто «знают свое знание», но еще и претворяют его. Знание непостоянно и побуждает нас к действиям, переменам, возможно, поэтому Конфуций уподобляет его водному потоку. Что же касается человечности, то она дарит бесконечно действенный покой и в этом смысле подобна горе. Покой бытийствующего и подвижность познающего, гора и река – две стороны совершенного человека у Конфуция. В единении человечности и знания обретается полнота человеческого бытия.

Конфуций твердо верил в неотразимое воздействие нравственного примера именно потому, что в подлинной добродетели, согласно его учению, собирается вся полнота жизни; собственно, добродетель и есть сила творческого преобразования мира. Добродетельный правитель, по словам Конфуция, будет без усилий повелевать народом, как «ветер пригибает траву». Благородный муж способен исправить нравы даже злобных дикарей. Но сам опыт стяжания добродете-

тели – этого внутреннего совершенства своего бытия – сокровенен и неизъясним, и Конфуций не любил рассуждать о нем, дабы не смущать слишком поспешными обещаниями незрелые умы. «От учителя редко можно было услышать речи о “небесной” судьбе и природе человека» – гласит запись в «Обсужденных речах». Примечательно, что любимый ученик Конфуция – Янь Юань – имел репутацию молчуна и был к тому же человеком низкого происхождения, даже не помышлявшим о карьере. Впрочем, Конфуций не столько не хотел, сколько именно не мог говорить о «небесной» правде жизни, которая и делает подлинным человеческое существование.

Конфуций говорил, что «его знает только Небо». Он явно давал понять, что каким-то образом открыл в себе опыт или духовные качества тех, кто дал жизнь – для Конфуция вечную жизнь – чжоуской традиции. Несколько отрывочных высказываний Учителя Куна свидетельствуют о том, что он регулярно имел видения (сегодня мы назвали бы их мистическими), в которых общался с творцами Чжоу. Особенно показателен вошедший в предание рассказ о том, как молодой Конфуций учился игре на лютне у придворного музыканта Ши Сяна. При первой их встрече музыкант наиграл Конфуцию некую мелодию, и, когда тот через десять дней исполнил ее, остался доволен учеником и хотел преподать ему что-нибудь новое.

– Не торопитесь, учитель, – сказал Конфуций. – Я выучил

мелодию, но пока не освоил ритм.

Конфуций поупражнялся еще несколько дней и попросил учителя послушать его.

– Теперь ты играешь совсем хорошо, – сказал учитель. – Можно смело браться за другую мелодию.

– Нет, учитель, – снова возразил Конфуций. – Я еще не могу передать настроение песни.

Спустя несколько дней, уловив настроение мелодии, Конфуций заявил учителю, что хочет еще понять, кто сочинил ее. В конце концов он пришел к Ши Сяну и сказал: «Теперь я знаю, кто был человек, сочинивший этот напев. То был муж смуглолицый и высокий, прямо-таки величественный! Его взор воспарял в недостижимые дали, его дух обнимал все пределы небес. Таким мог быть только достопочтенный царь Вэнь-ван, основоположник дома Чжоу!»

Изумленный учитель поднялся со своего сиденья и ответил поклон ученику. «Ты угадал! – воскликнул он. – Старейшие из знатоков музыки и вправду говорят, что эту музыку сочинил сам Вэнь-ван!»

Этот рассказ записан в позднейших источниках и едва ли обладает фактической достоверностью. Но как факт традиции он в высшей степени примечателен, ибо с предельной откровенностью указывает на то, что в центре конфуцианского мировоззрения лежал именно опыт «полноты человеческого присутствия в мире», который есть, по сути, опыт творческого самообновления человека, делающий культуру памятни-

ком внутреннего, духовного подвижничества. Необязательно наделять этот человеческий идеал чертами физической внешности – недаром рассказ о музыкальной учебе Конфуция пришел из позднейшего, апокрифического предания. Но все же Конфуций предельно выпукло обозначил в своей проповеди тот первый, и важнейший, стимул образования, который немецкий философ М. Шелер назвал «ценностным образцом личности», способным «разъяснять каждому человеку его предназначение, служить для нас мерилom и учить нас познать наши настоящие силы...»¹ Подлинный герой конфуцианской традиции и есть этот «внутренний», «целостный» человек, который прорастает во «всечеловека» бесконечной чередой поколений. Его жизнь – это не сущность, не бытие, а со-бытийность человеческих сердец, со-общительность каждого сообщения. Знание этого личностного образца неуловимо в понятиях, нефункционально и все же неизменно конкретно, вполне определено. Нельзя быть «человеком вообще»: каждый человек должен быть самим собой. И Конфуций стал первым в истории человечества педагогом, который не только ценил своих учеников за их неповторимые индивидуальные качества, но и провозгласил целью обучения развитие природных задатков учащихся.

Можно представить, сколь наивной и даже смешной в ту эпоху всеобщего разочарования, цинизма и жестокости казалась современникам Конфуция его вера во всепокоряющую

¹ Шелер М. Формы знания и образование // Человек. 1992. № 5. С. 65.

силу нравственного примера. Конфуций оказался неудачником в политике. Но помимо внешних успехов, практических знаний и даже «объективных истин» есть еще сам человек, его внутренняя, в долгом пути самопознания вызревающая правда. Конфуций учил этой абсолютной правде человечности в человеке. Человек выше любого мировоззрения, любого принципа. «Не доктрина делает человека великим, а человек делает доктрину великой» – гласит кредо Учителя Куна. Конфуций первым в Китае, да и в целом мире возвестил об этой сокровенной, лишь символически выраженной в культуре правде человеческого сердца. Его неудача в практической деятельности, как ни странно, сделала возможным его выдающийся успех как педагога.

Да, Конфуций не смог, как он мечтал, водворить согласие в мире, по крайней мере, за пределами своей школы. Но, может быть, не менее важно и то, что он заставил людей осознать тщету всякого внешнего делания. В конце жизни, вернувшись после долгих лет странствий на родину, он стал жить «в праздности». Он говорил, что никто из людей его не понял и только Небо «знает его». Он полюбил молчание...

В возрасте семидесяти двух лет Учитель Кун тяжело заболел и понял, что ему пора готовиться к смерти. В его предсмертный час ученики пришли почтить Учителя, облаченные в свои парадные одежды чиновников. Прощание с умиравшим Учителем оказалось похожим на дворцовую аудиенцию. Конфуций не выказал никакой радости – напротив, не

на шутку рассердился. «Кого вы хотите обмануть? – вскричал он, обращаясь к ученикам. – Неужто вы думаете, что сможете обмануть Небо?» Слова эти лишней раз напоминают нам о том, что в своей школе Учитель Кун видел интимный и доверительный круг хранителей сокровенной правды традиции, а не место, где учатся будущие министры. Может быть, в последний раз пытался он объяснить тем, кто пришел учиться у него, что всякое дело свершается благодаря не-деланию, и глас Учителя мы постигаем в себе, когда для нас замирают все звуки мира. Тогда то, что было своим, становится вселенским, и жизнь, вместившаяся в один миг духовного просветления, свободно изливается в вечность...

Рассмотрев основные понятия и особенности мировоззрения Конфуция, попытаемся теперь ответить на главный вопрос конфуцианской мысли: почему возможна традиция или, говоря другими словами, какова природа реальности, которая не просто существует, а извечно возобновляется, передается в потоке времени? Случайно или нет, но лучший ответ на этот вопрос дает уже начальная фраза «Обсужденных речей»:

«Учиться и во всякое время претворять это – разве не радостно?..»

Эта знаменитая сентенция Конфуция связывает воедино познание, действие и подлинную награду всякого усилия и свершения – душевную радость и удовлетворение. Конечно, читатель волен видеть в словах Конфуция только житейскую

мудрость, констатацию обыденного факта: приобрел знания – приложил их к делу – получил удовольствие. Бесхитрое высказывание Конфуция, столь характерное для его «речи, стремящейся к молчанию», не исключает, конечно, и такого наивного прочтения. Но подобный взгляд все же не был бы вполне рационален: он не помог бы понять причину приносимой учением сокровенной и непреходящей радости, которая составляет подлинную тайну Учителя. Тем более не помогает он понять, когда и как следует на практике применять познанное.

Не все так просто обстоит уже с понятием «учения» – первым словом в тексте «Речей...», которое китайские толкователи единодушно считают ключом к пониманию всей книги. Дело в том, что для Учителя Куна, как уже говорилось, приобретение знаний и навыков было только первым и, по сути дела, лишь подготовительным этапом учения. Действительная же цель последнего заключалась в проявлении и правильной артикуляции нравственного сознания в человеке. Недаром Конфуций говорил, что все его наставления «пронизывает одна нить», которую нельзя обрести посредством чтения книг. Правда, нравственное совершенствование невозможно без образцов, каковыми для Учителя Куна, как мы уже знаем, служили деяния мудрецов былых времен. Согласно древним комментаторам, учение и означает «познание образцов былых времен», которое позволяет «осознать и понять себя». Более того, самое слово «учение» в ки-

тайском языке изначально родственно понятию «учиться у кого-то», «брать пример с кого-то». В одном из древних толкований говорится о том, что учащийся должен «овладеть своими чувствами и помыслами посредством Пути прежних царей, с тем чтобы он сам пришел к пониманию и отверг заблуждения, принял истину и привел к завершению свою добродетель». Самый авторитетный в эпоху позднего Средневековья комментатор Чжу Си (XII в.) тоже подчеркивает, что учение – это прежде всего «наследование древним правителям». Наследование – чему? Понимание – чего? Явно ошибаются те современные толкователи и переводчики, которые видят здесь только призыв к «подражанию». Последнее просто несовместимо с пониманием, которое всегда дается нам как органическая целостность существования. И сам Конфуций с его проповедью нравственной самостоятельности мудрого и умения «соответствовать обстоятельствам времени», с его готовностью к разумному изменению обычая менее всего похож на робкого подражателя.

Мы должны говорить именно о на-следовании, воспроизведении реальности, которая предваряет, *предвосхищает* все внешние формы; реальности, которая должна быть воспроизведена по ее видимым «следам», подобным отблескам внутреннего света. Как говорится в китайском толковании, цель учения – «возобновить изначальное». Вот почему первая фраза древнего канона (это касается, конечно, не только «Обсужденных речей») имела для китайских книжников

особое значение: именно в ней говорилось о том главном, что предшествует всякому предметному знанию и всякому опыту. Поскольку эта истина не есть нечто неподвижно-данное, она никому не принадлежит, а может только передаваться «от сердца к сердцу» прежде всяких слов и всякого понимания. Сама жизнь просветленного сознания есть не что иное, как это вечное и все же невидное движение от себя к себе.

В подлинно осмысленной речи каждое слово – лишнее. И все же слова необходимы, ибо они выявляют присутствие неизъяснимой правды одухотворенной жизни. Наследование истины становится возможным благодаря записям о деяниях мудрых царей древности. Особенности китайской иероглифической письменности предопределили то обстоятельство, что древние китайцы возводили письменные знаки и заключенный в них смысл не к умозрительным идеям, а к неким первозданным образам вещей – зыбким и летучим, почти неопознаваемым или, говоря языком китайской традиции, «утонченным до неразличимости». То были, по сути, образы неисчерпаемых метаморфоз бытия, вестники чистой качественности или, что то же самое, беспредельной предельности существования. Как воплощение этой силы непрерывного превращения, ускользания вещей от самих себя, они составляли «узор мироздания», вездесущий *декорум* жизни. Так в китайской картине мира воображаемое и действительное, украшение и естество вещей не противостоят друг дру-

гу. И человеческие письма – тоже носители этой неопределимой границы между телом и тенью. По преданию, их очертания вторят «следам драконов и змей, звериных когтей и птичьих лап на земле». Так понятие «образа» связывает воедино письменность и, следовательно, культуру с природной данностью жизни. Наследуя древним мудрецам, человек может получить доскональное знание всеобщего порядка мироздания.

Но почему деяния мудрых царей сохранились в истории? Причина в том, что они носили характер *события* в его истинном смысле: речь идет о со-бытии, об обоюдном преобразении индивида и его вещественной среды, благодаря которому одно сходится с другим в определенном *типе* ситуации. Эта вечносущая, вознесшаяся над потоком времени ситуация несет на себе печать известного характера, в который возводит себя нравственно возвышенный муж. Обоюдная метаморфоза личности и среды – одновременно среда и средство морального усилия человека – приводит ее составные части к согласию не по их подобию, а по их внутреннему пределу. Иными словами, в этом согласии утверждается одно-единственное отличительное качество каждой вещи, которое составляет внутренний предел ее существования. По этой причине и становится возможной встреча несоизмеримых величин: внутренней глубины духа и внешних обстоятельств события. Помыслы мудрого и окружающая действительность, Небо и Земля смыкаются здесь благодаря тому,

что их разделяет. Учение как на-следование древней (именно: всему предшествующей) мудрости есть выявление высшей, потенциально бесконечной гармонии мира.

Конфуцианский мудрец не принадлежит к числу «убежденных» ретроградов и тем более к тем псевдообразованным людям, которые, по русской поговорке, «задним умом крепки». Напротив, его призвание – это «каждодневное обновление» (*жи синь*), способность открывать себя безмерности «зияния Небес». Сам Конфуций охотно менял букву обряда, если новшество не противоречило духу ритуального поведения. Скажем больше: сами обряды древних мудрецов, над восстановлением которых из века в век трудились придворные церемониймейстеры Китая, были в действительности лишь плодом импровизации этих книжников. Беда, впрочем, невелика, если учесть, что, как мы только что выяснили, в китайском мирозерцании воображение и действительность не только не исключают друг друга, но и вовсе не различаются. «Понимание», которое добывается учением, вообще не есть сумма знаний. Конфуцианцы не уставали подчеркивать, что истины учения должны быть усвоены учеником так, как воздух и пища усваиваются организмом: они должны стать почти безотчетным побуждением души, своего рода моральным инстинктом. Добродетель – «вторая природа» мудрого. Вот почему знание для Конфуция принципиально неотделимо от деятельности, а по-настоящему образованный человек прямо-таки органично не способен щего-

лять своей образованностью. Но понимание дает опыт *полноты бытия*. Это значит, что учится в действительности тот, кто расширяет свое сознание, включая в сферу мировой гармонии все больше явлений жизни, и в конце концов, по слову Мэн-цзы, оказывается способным «вместить в себя весь мир». Таков предел покоя и умиротворенности в человеке.

Посмотрим теперь на проблему учения-претворения во временном плане. Претворение неизбежно свершается во времени. Но в каком времени? Тут мнения толкователей расходятся. Одни из них понимают слова Конфуция так, что претворять учение – значит с полным сознанием делать любое дело, припоминая высказанное по этому поводу наставление знакомого нам Чэн И: «Сиди как сидишь, стой как стоишь». Другие толкуют упомянутое здесь «время» как удобный или благоприятный момент для действия. Оба толкования заставляют задуматься над тем, каким образом сознание может полностью соответствовать «обстоятельствам момента». Отметим для начала, что в китайском языке иероглиф «время» являет собой сочетание знаков «солнце», «земля» и «вершок», то есть имеется в виду длина тени от солнечного гномона и, следовательно, движение солнца со всем многообразием его воздействия, которое оно оказывает на жизнь земледельческого народа. Древние китайские комментаторы поясняют, что в данном случае понятие времени имеет три значения: возраст человека, время года и время суток. В зависимости от возраста ученика, времени года и суток изме-

няется и содержание его обучения. Таким образом, «обстоятельства времени» определяют и способ «осуществления учения».

Суждения китайских толкователей могут показаться наивными, но они по крайней мере показывают, что время в китайском восприятии всегда обладает определенным качеством и неотделимо от конкретного жизненного опыта. Время в таком случае – это сама сущность становления. Она не сводится ни к умозрительной длительности, ни к конкретному моменту, имеющему чисто практическое и преходящее значение.

Если предмет учения, по Конфуцию, есть единовременное преобразование субъективного и объективного измерений действительности, а цель его состоит в утверждении определенных типов вещей (типов характеров, с одной стороны, и типов ситуаций – с другой), то в конфуцианской картине мира вообще не остается места для каких-либо неизменных субстанций и сущностей. В ней есть только извечная текучесть, чаяния и воспоминания, нечто «уже бывшее» и «еще не бывшее», причем то и другое тяготеет к своему пределу: память погружается в незапамятные глубины прошлого, предвосхищение соскальзывает в невообразимую будущность. В древнейшем конфуцианском трактате «Великое учение» мудростью названо именно умение различать «то, что идет впереди, и то, что идет следом». И в комментарии Чжу Си к рассматриваемой фразе первым делом со-

общается, что в «осознании есть предшествующее и есть последующее». Китайские толкователи соотносят эту последовательность с человеческой историей, но ничто не мешает рассматривать ее и как условие самопознания. Иными словами, акт осознания всегда предполагает опознание со-присутствия «другого» и вместе с тем дистанции между двумя моментами собственного становления. Даже традиционная китайская наука не знала природных «явлений вообще», а соотносила всякое явление с двумя измерениями бытия: одно из них «предшествует небесному», а другое – «наследует небесному». Заметим, что после Ницше, учившего о вечном возвращении без повторения, современная философия хорошо уяснила себе тот факт, что именно воспроизведение, соотнесение себя с неким образцом является условием новизны. Современная же история со всей наглядностью удостоверяет, что революционные перемены в жизни обществ облекаются в оболочку древних мифов.

Что касается понятия «претворения», то древние толкователи просто отождествляют его с «совершенствованием». Между тем этот иероглиф содержит в себе элемент «крылья», и уже древнейший толковый словарь китайского языка, а вслед за ним Чжу Си уподобляют претворение «неустанным перелетам птицы с места на место» – неожиданный, но по-своему очень точный образ! От «уже бывшего» к «еще не бывшему» нужно, действительно, «перелетать», но речь идет и о преемственности в изменениях, ведь птица, пере-

летев на новое место, остается той же самой птицей. Более того, самое различие между двумя отсутствующими предметами – «уже бывшим» и «еще не бывшим» – не имеет объективных характеристик и остается чисто символическим. Оттого же незапамятная древность неотличима от невообразимого будущего, хотя одно несоизмеримо с другим! Время в таком контексте предстает вечно отсутствующим водоразделом между несопоставимыми перспективами жизни. По существу, оно оказывается условием абсолютной конкретности существования и в этом смысле – силой типизации всех типов, предельностью всех пределов, вездесущей паузой, именно по-срединностью, ускользающей *целью бытия* (традиционный для китайской мысли образ), которая хранит в себе виртуальную завершенность времени, взятого в качестве Эона, и притом являет собою чистую силу становления. Здесь каждое мгновение оказывается дверью в вечность, началом предвечного Пути. Знаменательный штрих: по мнению некоторых китайских комментаторов, учащийся должен вкладывать все постигнутое им в одну точку «претворения», как птица отдает весь свой вес ветке, на которую садится... Как видим, завет Конфуция всякий час претворять учение не обязательно сводить к плоской назидательности. В нем просматривается апология бесконечной действенности, присутствующей в конечном действии. В позднейшей конфуцианской традиции такое всевременное мгновение стали толковать как «круговорот неуловимой точки духовной

просветленности», который пребывает вне пространства и времени и воплощает движение «от себя к себе», некое чистое воздействие или, лучше сказать, чистую действенность, в которой друг друга проникают и замещают присутствующее и отсутствующее, актуальное и потенциальное, воображаемое и реальное. Речь шла, согласно традиционной формуле, о «спонтанном круговороте единого тела всего сущего». Ученый XVI века Ван Цзи уподобляет этот круговорот просветленного духа – одновременно исчезающе малый и необъятно большой – «светящемуся изнутри хрустальному дворцу», в котором становится возможен «сокровенный резонанс» всего сущего. Этот акт мгновенной встречи несходного не имеет формы и не оставляет следов, «подобно полету птицы», и в нем «несуществующее кажется существующим, а существующее – несуществующим». Мы снова встречаемся с образом полета птицы, служащим здесь метафорой абсолютного возобновления, то есть возобновления неповторяемого. Что заставляет вращаться этот круговорот «сокровенного резонанса», предвосхищающий движение всей вселенной? То, как бытие есть, сила бытийственности бытия, вечное уклонение бытийственной метаморфозы, само по себе неуклонное. Современный конфуцианский философ Сюн Шили вывел отсюда понятие «малого единства» бытия, которое воплощает чистую качественность момента, но охватывает собою весь мир, не имеет формы, но являет собой лишь «побуждение к обладанию формой», совмещает в се-

бе полную открытость и полную закрытость. Как чистая действительность вне субъекта и объекта, «малое единство» не может быть предметом умозрения, но доступно «аффективно-му знанию», которое проистекает из импульса первоизданного круговорота Пути, а в повседневной жизни соотносится с динамическим единством нашего жизненного опыта.

Претворение учения – это не факт и не сущность. Свершение, как подсказывает сама семантика этого слова, предполагает со-вершинность вещей, соотнесенность несоизмеримого. Претворение учения, по Конфуцию, бесконечно превосходит человеческую субъективность, поскольку оно равнозначно непреходящей действительности или действию, охватывающему всевременность Эона. Неподвижность времени-Эона кристаллизуется в типовых качествах ситуации, в запечатленных преданием «обстоятельствах момента». Следовательно, Конфуциево понятие «времени претворения» – это не просто мгновение, одно из многих, а именно *должный момент*, который внутри себя содержит условия для своего возобновления, несет в себе время предшествующее и последующее. Можно сказать, что такой момент вмещает в себя всю жизнь человека, в нем человек делает себя покойным и необъятным, как Небо. Учитель Кун прав: поистине, нет ничего труднее, чем претворить учение, как нет ничего труднее, чем быть достойным вечности...

Связь двух временных моментов во «времени претворения» превращает последнее в привычку. Уже у Конфуция

это понятие может обозначать тот или иной уклад человеческой жизни, принятый в культуре. Интересно, что в позднем конфуцианстве (начиная с XVI в.) идея «претворения» (си) сближается с понятием индивидуальной привычки и приобретает негативный смысл: став признаком умственной косности, оно воспринимается уже как препятствие для духовного просветления. Подобная метаморфоза свидетельствует об углубившемся разделении между субъективностью и миром и, следовательно, о разложении конфуцианской традиции.

Что же можно сказать о последнем понятии начальной фразы «Обсужденных речей» – понятии радости того, кто наследует Пути и одновременно приуготовляет его? Эта радость явно относится и к учению, и к его претворению, что кажется вполне закономерным, ведь для Конфуция одно неотделимо от другого. Но теперь можно уточнить: радость в собственном смысле слова сопутствует учению как акту «преодоления себя», расширения сознания (в круговом или, точнее сказать, спиралевидном движении Пути), открытия новых и неизведанных горизонтов жизни. По Конфуцию, мудрый «радуется Небу», то есть необозримой открытости бытия. А вот претворение, выявляя внутреннюю полноту, самоценность каждого мгновения существования, приносит высшее удовлетворение, делает радость *мудрой*. Вновь и вновь Учитель Кун напоминал ученикам, что высший мудрец прежде всего безмятежно покоен и умеет наслаждаться

жизнью.

По мнению китайских комментаторов, радость учения-претворения обусловлена тем, что «сердце совпадает с внешним миром» и при этом, разумеется, «все, постигнутое учением, заключено в нас самих». Что ж, сущность Конфуциева учения как раз и состоит в претворении себя и обстоятельств в тот самый тип ситуации, перед которым бессильно всепожирающее время.

Величайшая тайна Неба заключена в его безукоризненной и непреложной справедливости: Небо каждому дает именно то, что он заслуживает. И мудрому оно дает бессмертие. Как ни скромнен Учитель Кун, он предлагает своим последователям великую награду уже в этой жизни: он учит, что человек может сделать себя бессмертным в своей *мудрой радости*.

Неустанное и нескончаемое совершенствование, самоочищение, просветление духа, претворение человеческого в человеческое – это «самое трудное свершение» души – таков последний завет Конфуция будущим поколениям.

Правда сердца всегда «под рукой»; она открывается внезапно и вся целиком – с каждым мгновением сознательной жизни, в каждый миг духовного пробуждения. Но чтобы дойти до нее, нужно много учиться. А чтобы учение было успешным, нужно иметь в учебе «прочную опору». Под конец жизни Конфуций занялся созданием этой опоры для грядущих поколений учащихся. Ему принадлежит традиционная редакция текстов основных китайских кано-

нов: древнейшего свода китайской поэзии – «Книги стихов» («Ши цзин»), древнейшего собрания исторических записей – «Книги преданий» («Шу цзин»), текста хроники царства Лу «Весны и осени» («Чуньцю») и др. Конфуций был духовным отцом не только китайских учителей, но и китайских ученых.

Конфуцию удалось создать многочисленную и влиятельную педагогическую школу, положение которой в древнекитайском обществе почти не зависело от перипетий политической борьбы именно потому, что сердцевиной конфуцианской традиции было учение о нравственном совершенствовании и ценности символического языка культуры. Каковы бы ни были личные пристрастия правителей Китая, никто из них не мог поставить идеологию и ПОЛИТИКУ выше культуры и нравственного воспитания. Попытки отвергнуть наследие Конфуция, как случилось, например, в царствование первого китайского императора Цинь Шихуанди, приводили лишь к быстрому вырождению и краху династии.

Разумеется, характер конфуцианской учености не оставался неизменным на протяжении веков, тем более что сам Конфуций, как уже говорилось, ничего не писал от своего имени, высказываясь лишь по необходимости, в связи с тем или иным случаем и не забывая напоминать о ценности молчания: правда внутреннего пробуждения – вне слов, но следует за словами, как тень за летящей птицей. Его памятные изречения, как уже говорилось, спустя некоторое время бы-

ли записаны его учениками и составили главный конфуцианский канон – книгу «Обсужденные речи». Текст «Обсужденных речей» с некоторыми сокращениями публикуется здесь в переводе русского китаевода П.С. Попова². Публикуются в книге и неизвестные прежде русскому читателю рассказы о Конфуции из книги «Семейные предания о Конфуции» (Кун- цзы цзя юй). Они дают представление о еще одном традиционном жанре конфуцианской словесности, дополнявшем собрания изречений: жанре анекдота. Со временем у учеников и последователей Конфуция возникла потребность прояснить для себя основные посылки его жизненного понимания. И в результате в конфуцианской традиции появился жанр трактата.

В настоящем издании опубликованы тексты некоторых характерных памятников конфуцианской мысли, дополняющих и развивающих наследие Учителя Куна. Первый из них – небольшой трактат «Великое учение» (Да сюэ), который занял главное место в своде конфуцианских канонов в эпоху Средневековья. Здесь публикуется новый перевод этого памятника, выполненный И.А. Канаевым. Далее помещен новый перевод другого важнейшего памятника конфуцианской традиции «Удержание изначального» (Чжун юн). Он тоже принадлежит И.А. Канаеву. В этих книгах содержится

² Попов П.С. Изречения Конфуция, учеников его и других лиц. СПб, 1910 (перевод П.С. Попова сверен с оригиналом и заново отредактирован В.В. Малявиным).

систематическое изложение конфуцианской традиции нравственного совершенствования.

Праведный Путь жизни, утверждается в вышеназванных трактатах, есть правда человеческой совместности – тот нравственный закон в нас, который помимо и даже прежде наших личных желаний делает нас членами социума. Человечное в человеке, согласно конфуцианству, – это сама человеческая социальность. «Удержание изначального» есть название для этого незримого средоточия человеческого бытия. Его главное свойство – «искренность» (чэн), которая проистекает из верности «небесному» истоку жизни и выражается правильной и точной артикуляцией всех душевных движений. Благодаря своей внутренней искренности мудрый обретает способность одновременно «приводить к завершению себя и других».

Далее помещены фрагменты трактата «Записки об учении» в новой редакции В.В. Малявина. Это древнейшее в Китае сочинение, специально посвященное методике преподавания. Составленное, вероятно, в III в. до н. э., оно свидетельствует о большом практическом опыте, накопленном к тому времени китайцами в области преподавания.

* * *

Этот краткий обзор педагогических принципов Конфуция будет, вероятно, неполон, если мы не упомянем и об их

критиках в самом Китае. На идеи Конфуция нападали с разных сторон и по разным поводам. Одним из самых яростных критиков был философ Мо-цзы (V в. до н. э.), ставивший превыше всего соображения пользы. Особенно резко Мо-цзы напал на конфуцианскую апологию культуры, которая на практике означала сохранение пышных и дорогостоящих обрядов. Конфуцианской идее превосходства любви к ближнему над заботой о дальних Мо-цзы противопоставлял принцип «всеобщей любви», полагая, что люди смогут полюбить друг друга только потому, что это будет выгодно каждому. По сути, Мо-цзы был первым в Китае философом-рационалистом, отвергнувшим культурную традицию, но вместе с тем невольно раскрывшим и внутреннее противоречие чисто утилитаристской мысли: могут ли люди действительно любить друг друга, руководствуясь расчетом? Как бы там ни было, школа Мо-цзы оказалась нежизнеспособной и исчезла после III в. до н. э. Потеряла свою актуальность и моистская критика Конфуция.

Но особенно часто в древнем Китае на Конфуция нападали апологеты чувственного наслаждения и личной свободы человека, которые видели в конфуцианском морализме насилие над человеческой природой. Элементы этой критики вошли составной частью в учение главных соперников конфуцианства – древних даосских философов. В древних даосских книгах Учитель Кун часто выведен педантом, опасным демагогом и близоруким честолюбцем. Однако в отли-

чие от Мо-цзы даосы не были доктринерами и не отвергали главной посылки Конфуциевых наставлений: обретение в себе «небесного» источника жизни. Более того, они до предела развили присущий Конфуцию акцент на важности внутреннего просветления человека, в котором постигается опыт «подлинности жизни». Однако Конфуциевой проповеди морального усилия даосы противопоставляли вольное «следование естеству», спонтанную реализацию жизненных свойств вне соображений морали или пользы. Надо сказать, что с течением времени конфуцианские и даосские идеи тесно переплелись в традиционном жизненном идеале китайцев. Образованный человек в Китае часто мог быть конфуцианцем в делах публичных или семейных и даосом в частной жизни.

Наследие Конфуция доказало свою жизненность для цивилизации Дальнего Востока – одной из самых древних и утонченных в целом мире. Но это все-таки дело прошлое. А вот живо ли оно, пригодно ли оно для человечества сейчас, когда на наших глазах складывается общечеловеческая или, как теперь говорят, «планетарная» цивилизация? Вопрос, казалось бы, неуместный, почти нелепый. Как может быть несвоевременным учение, которое превыше всего ценит вечно живое в человеческой культуре? Но не будем закрывать глаза и на очевидные слабости и недостатки философской позиции Конфуция. Некоторые из них были подмечены уже древними критиками Учителя Куна. Возьмем, к примеру,

даосскую сатиру на конфуцианство, изображающую непреклонного моралиста Конфуция невольным пособником тиранов и разбойников. Эта парадоксальная оценка – не просто зловещий домысел недругов великого Учителя. Как показала история, моральное учение Конфуция действительно не смогло стать опорой публичной, гражданской нравственности в китайском обществе: конфуцианские мужи Китая обычно считали нужным выполнять свой долг лишь в отношении близких и «своих» людей – родственников, друзей, сослуживцев – и проявляли полное равнодушие к судьбам «чужих» и «посторонних». Непотизм и ориентация исключительно на личные связи, двойной стандарт морали по отношению к «своим» и «чужим», китайцам и иностранцам, в полной мере присущие и современному китайскому обществу, восходят к тому разделению между «внешним миром» и внутренним, интимным пространством школы-семьи, которое ввел сам Конфуций. Но это разделение (кстати сказать, признаваемое всеми школами китайской мысли) имеет в Китае глубокие философские корни. Напомним, что конфуцианская мысль не интересуется поиском объективных истин и ищет себе основание в единичных образцах, поучительных примерах из прошлого; она оперирует не принципами и гипотезами, а чисто ценностными оценками. Кажется, что она неотделима от китайской культуры во всем ее многообразии, ведь она привязана, с одной стороны, к историческим прецедентам, а с другой – к обычаю, ритуальным действиям, в

которых воплощается моральная воля. Одним словом, конфуцианство невозможно представить вне Китая и, следовательно, его гуманизм пригоден только для китайцев. Так ли это?

На этот вопрос есть один простой ответ: наследие Конфуция далеко не то, чем оно видится в истории. Исторический образ конфуцианства – результат его идеологизации, превращения совершенно недогматических, чисто ориентировочных наставлений, напутствий первого Учителя в набор «объективных истин» и постулатов, диктуемых пресловутым «здравым смыслом», а пуше всего – произволом деспотической власти или мнением толпы. Догматически мыслившие последователи Конфуция в Китае страдали тем самым недостатком, против которого так страстно боролся Учитель Кун: недостатком воображения. Они потеряли из виду символическую глубину опыта и свели «небесную» полноту бытия к одномерности рассудочной мысли. Переход от внутреннего созерцания к внешнему наблюдению порождает чудовищную аберрацию в самом восприятии культуры. Последняя теряет связь с духовной жизнью человечества и растворяется в цивилизации – овеществленной проекции данных интеллекта. Рано или поздно конфуцианство должно было пережить кризис, который знаком всем духовным традициям, ориентированным на «внутреннее постижение», будь то йога, суфизм в исламе или мистическая практика в христианстве: оно не смогло выработать жизнеспособного единства

внутренней и внешней сторон человеческой деятельности в модернизированной, т. е. полностью технической, цивилизации.

Но самое интересное – это то, что современность, преодолевшая кризис самоотчуждения человека в технике вместе с классической западной теорией знания, выдвигает на передний план именно проблему человеческой со-общительности, вновь делает актуальным и наследие древнего Учителя Куна. Всем памятливы впечатляющие успехи, достигнутые в последние десятилетия странами, которые принадлежат к конфуцианской цивилизации: Японией, Кореей, Тайванем, Сингапуром, отчасти и самим Китаем. А ведь успехи эти достигнуты в условиях и даже на базе современной информатики и электронной инженерии, стирающей грань между иллюзией и реальностью, искусственным и естественным. Теперь выясняется, что конфуцианство, воспитывающее в человеке прежде всего точность мыслей и поступков, готовность к сотрудничеству и согласию, творческую открытость миру, способно существенно повысить творческий потенциал общества и даже новейших технологических систем. Ибо главной проблемой современности является уже не техническое овладение миром, а сам человек, осознающий свою ответственность перед миром. И мы уже не удивляемся, когда встречаем в журнале статью о японском экономическом чуде, озаглавленную «Капитализм по Конфуцию...»

Очевидно, что возрождение или, лучше сказать, откры-

тие заново конфуцианской традиции на Востоке – не просто случайная дань моде. Оно происходит в условиях глубокого кризиса европейского рационализма нового времени и сопутствующих ему гуманистических ценностей. Современная техника парадоксальным образом заставляет человека обратиться вновь к истине вечно живой всеобщности и, следовательно, подлинной человечности в человеке. Вот здесь на помощь современным людям и может прийти конфуцианство, не ставящее во главу угла идею замкнутого суверенного субъекта, на которой строится западный гуманизм. Напомним: исходный материал и конечная цель воспитательного проекта у Конфуция – это не самостоятельные индивиды, а самое пространство человеческой общительности, поле музыкальных созвучий «просвещенной жизни», которое принадлежит всем и никому в отдельности. Участие в этом творческом диалоге бытия, этой всегда заданной нам «небесной» музыке жизни поверяется образцовыми прецедентами, но требует творческого сотрудничества в мире, непрестанного усилия самовысветления духа.

Сегодня мы начинаем понимать, что эффективны не технические приспособления сами по себе, но воля и разум самого человека, или, как говорили в Китае, «техника сердца», методы человеческого взаимодействия, обеспечивающие доверие, искренность и радушие в отношениях между людьми. «Техника сердца», помноженная на технику ума и технику рук, – вот завтрашний день человечества. Технизация же

жизни наделяет человека новой ответственностью за судьбу Земли и, как никогда ранее, требует от него веры в силы и возможности человеческого разума. Техника парадоксальным на первый взгляд, но глубоко закономерным образом побуждает человека обратиться вновь к природе духовного опыта. А значит, древние заповеди Конфуция о первичности воспитания духа, о важности очеловечивания человека как никогда нужны нашим современникам. Совсем не обязательно, более того, невозможно и не нужно принимать их такими, какими выковала их история цивилизации Дальнего Востока. Лучшей данью Конфуцию было бы не подражание ему, а поиски каждым своего пути в вечно изменчивом потоке жизни.

Владимир Малявин

Перевод П. Попова в новой редакции В. Малявина

Комментарии, кроме особо оговоренных случаев, Е. Ямбурга

Обсужденные речи

Глава I

Учитель сказал: «Не приятно ли учиться и постоянно упражняться? Не приятно ли встретиться с другом, возвратившимся из далеких стран? Не благородный ли муж тот, кто не гневается, что он неизвестен другим?»

Ю-цзы сказал: «Редко бывает, чтобы человек, отличающийся сыновней почтительностью и братскою любовью, любил бы восставать против старших, и никогда не бывает, чтобы тот, кто не любит восставать против высших, захотел произвести возмущение. Совершенный муж сосредоточивает свои силы на основах: коль скоро доложены основы, то являются и законы для деятельности. Сыновняя почтительность и братская любовь – это корень человечности».

Сосредоточить свои силы *на основах* – к этой, казалось бы, незамысловатой истине российские педагоги пришли совсем непросто. В бурлящем котле перестроек последнего десятилетия, как это ни печально осознавать, в педагогике возобладал

пафос деструктивный. Еще недавно казалось, что стоит разрушить бастионы авторитарной педагогики, избавиться от навязанной мифологии, усвоить передовые, преимущественно западные, идеи и технологии, как воссияет свет знаний, в лучах которого, взявшись за руки, начнут восхождение к высотам нравственности дети, педагоги и родители. Сегодня оптимизма поубавилось. Свобода «от» не обернулась свободой «для»

Учитель сказал: «В хитрых речах и в поддельном выражении лица редко встречается человечность».

Цзэн-цзы сказал: «Я ежедневно исследую себя в трех отношениях: обдумывая что-нибудь для других, был ли я предан им, был ли искренен в отношениях с друзьями и усвоил ли я то, что было преподано мне Учителем».

Учитель сказал: «При управлении княжеством, имеющим 1000 колесниц, необходимы постоянное внимание к делам и искренность, умеренность в расходах и любовь к народу со своевременным употреблением его на работы».

Учитель сказал: «Молодежь дома должна быть почтительна к родителям, вне дома уважительна к старшим, отличаться осторожностью и искренностью, обильною любовью ко

всем и сближаться с людьми человечными. Если, по исполнении сего, останется свободное время, то посвящать его учению».

Цзы-ся сказал: «Если кто из уважения к людям достойным отказывается от похотей, служит родителям до истощения сил, государю до самопожертвования и в сношениях с друзьями честен в своих словах, то я, конечно, назову такого ученым, хотя бы другие признали его невежей».

Критическое отношение к жизни не может быть единственным основанием построения педагогического здания, иначе, подобно Пизанской башне, оно начнет, уже начало, наклоняться. А когда это произошло, заговорили об общечеловеческих ценностях, основах, куда, помимо всего прочего, входит и сыновья почтительность, о которой говорил Конфуций. Чувство неоплатного долга перед «отцами» за переданную тебе культуру, положенное на собственную ответственность перед «детьми», потомками; стремление передать им культурное наследие в сохранности и в обогащенном виде Кант назвал основой нравственного поведения, повелением к добру, категорическим императивом.

В этой формуле видится не только смысл предназначения учителя и человека, определяющий

главное направление его деятельности, но и своеобразная программа нравственного воспитания, так необходимая в наше переходное время. Итак, обеспечить то, что русский философ В. Соловьев назвал нерасторжимой связью поколений, поддерживающих друг друга в прогрессивном исполнении общего дела, – ведущая задача учителя школы. Но как быть, когда по общему признанию порвалась связь времен, прервана та самая культурная эстафета? Тем паче положить все силы на ее восстановление, отдавая себе отчет в трагической невозможности на протяжении жизни одного поколения в полном объеме восстановить то, что разрушалось тремя предыдущими

Если совершенный муж не солиден, то он не будет вызывать уважения к себе в других и знание его не будет прочно. Поэтому поставь себе за главное преданность и искренность; не дружи с людьми, которые хуже тебя; ошибся – не бойся исправиться.

Цзэн-цзы сказал: «Если мы будем рачительны в отдаении последнего долга родителям и будем вспоминать об отошедших, то народная нравственность улучшится».

Но тогда каким должно быть отношение детей к отцам-разрушителям? Вопрос сегодня отнюдь не отвлеченный, но взрывающий изнутри семьи, классы, целые школы. Следует признать, что он принципиально несводим к привычной исторической коллизии отцов и детей, ибо всегда прежде в роли разрушителей старой культуры выступали «дети», «отцы» же, как правило, занимали охранительную позицию. В нашей ситуации они поменялись местами. В деликатном вопросе отношения к «блудным отцам» как нигде обнаруживается несостоятельность и даже безнравственность исключительно историко-политических оценок вне универсальных этических категорий. Думаящим иначе придется согласиться с мыслью, что для ребенка будет правильнее любить отца-демократа, нежели папу-консерватора. Известную мысль о том, что историю можно переписывать, но невозможно переделать, еще раз с убедительной художественной силой продемонстрировал нам фильм «Зеркало для героя». Для меня в нем важны этический и педагогический планы. Герой, как его весьма иронически определяют в названии авторы притчи, чудесным образом оказывается в своем послевоенном детстве (время действия примерно год 1946-й). Вполне современный и в меру интеллигентный человек, он каждый раз властной рукой отбрасывается к исходу одного и того же дня, как только пытается

«переделать историю», т. е. вмешаться в события, придав им иное, нормальное с современной точки зрения течение. Пытаясь предотвратить готовящееся ограбление, отвести гнусный навет, герой каждый раз порождает зло, но в иной его ипостаси. «Они как замороженные», – кричит он в отчаянии. Итог фильма только на первый взгляд кажется парадоксальным. Погружение в ту жизнь во всей ее трагической полноте разбивает мнимые преимущества «заднего ума», снимает высокомерие, обнажая в главном персонаже истинно человеческую, глубинную универсальную нравственную ценность: благодарность к предкам. Отсюда и тональность финала: любовь к этим недалеким, одновременно счастливым и несчастным людям

Цзы-цинъ спросил у Цзы-гуна: «Учитель, прибыв в известное государство, непременно собирал сведения о его управлении. Домогался ли он этого или же ему сообщали их?» Цзы-гун отвечал: «Учитель приобретал их благодаря своей любезности, прямоте, почтительности, скромности и уступчивости. Не отличался ли его способ собирания их от способа других людей?»

Учитель сказал: «Кто при жизни отца всматривался в его

намерения, а по смерти смотрит на его деяния и в течение трех лет не изменяет порядков, заведенных отцом, того можно назвать почтительным».

Деликатное отношение к своему прошлому отнюдь не равнозначно оправданию его мерзостей, оно требует, как уже писалось выше, не только оценок историко-политических, но и осознания своей органической связи с ним. В этом мне видится залог наиболее полного постижения своей истории и обеспечения той нерасторжимой связи поколений, без которой исчезает общечеловеческая мораль. Вновь мы наблюдаем нерасторжимый сплав культуры и этики, где нарушение равновесия опасно для юношества, где познание будет ложным, как только станет подминать под себя нравственные постулаты. С этих позиций я совершенно не могу оправдать поведение подростка, такого неофита нового мышления, который тиранит своего совсем не агрессивного деда, изводя его разоблачительными антисталинскими разговорами, обвиняя в сопричастности к созданию бесчеловечной системы, доводя пожилого человека до инфаркта обвинениями в напрасно прожитой жизни. Дело не только в том, что данный конкретный человек прожил весьма почтенную жизнь: прошел фронт, проектировал здание МГУ на Ленинских горах, что, к слову

сказать, тоже было поставлено ему в упрек эстетически развитым внуком. Вопрос глубже – в утверждении безусловности вечных моральных ценностей, в данном случае – благоговения перед тем, кто дал тебе жизнь. Ну а если речь идет, говоря словами поэта, об отцах действительно «стучавших, сажавших или подленько молчавших»? Не разрушит ли тогда одна этическая максима – необходимость и самоценность истины, правды во всей ее полноте – другую: благоговения перед предками. Такой взгляд на вещи был бы не более чем софистикой. Проблема эта с точки зрения своих нравственных педагогических последствий достаточно исследована в пьесах В.П. Розова, где всегда присутствует трагедия подростка, глубоко переживающего аморализм взрослых. Окончательная точка поставлена фильмом Т. Абуладзе «Покаяние». Вывод очевиден: столкновение двух этических максим, действующих одновременно в сознании юноши со здоровой, неиспорченной совестью, приводит его к гибели. Не здесь ли следует искать причины участвовавших в последнее время случаев покушения на собственную жизнь наших подростков? Однако едва ли сможет педагог, хотя бы раз в жизни столкнувшись с подобной ситуацией, успокоить свою совесть ложно понятой библейской мудростью о грехах отцов, что неизбежно падут на головы детей, ибо нравственно неотвратимое в бытийном, историческом планах (нам ли не чувствовать на себе последствия деяний прошлых поколений) оборачивается ложью, как только мы

сталкиваемся с гибелью молодого человека в результате того, что не может быть вменено ему в личную вину. Тем более что в Библии эта мифологема не сводится к злорадной мстительности, но звучит призывом к нравственной ответственности ныне действующих поколений перед будущим.

Осознание этой ответственности не менее значимо для формирования нравственности человека, чем благородное отношение к прошлому. Входя в мир не по своей воле, человек берет на себя безусловное обязательство продолжения жизни в ее физическом и духовном аспектах.

Вот почему мировые религии осуждают самоубийство как самоуправное уклонение от одной из вечных нравственных заповедей. Так или примерно так приходилось мне не раз начинать разговор с юным человеком, попавшим в беду. Что же до жизненных тягот и нравственных кризисов, то они выпадают в удел каждому совестливому и интеллектуально развитому человеку. Мужественно испить эту чашу до конца дано было только истинно великим. Добровольный уход из жизни и Сократа, и Христа (оба они по преданию могли спастись) не был вызван малодушием и испугом, но диктовался стремлением сохранить жизнь в ее достойных формах, отсюда обретенное ими бессмертие, продолжение жизни в памяти человечества: «смертию смерть поправ»

Ю-цзы сказал: «В приложении церемоний (житейских правил) дорога естественная непринужденность, которая в правилах древних царей признавалась превосходной вещью и которой следовали и в малых и в больших делах. Но бывают случаи, что и она не действует. Ибо знать только, что она дорога, и ограничиваться ею одной, не регулируя ее церемониями, также невозможно».

Ю-цзы сказал: «Если завет согласен со справедливостью, то сказанное можно исполнить. Почтение, если оно согласуется с нормой, избавляет нас от срама. Если тот, на кого опираются, заслуживает сближения с ним, то его можно взять в наставники».

Учитель сказал: «О том благородном муже, который в пище не заботится о насыщении, в жилище не ищет комфорта, быстр в деятельности, осторожен в речах и обращается для исправления себя к людям нравственным, можно сказать, что любит учиться».

Цзы-гун сказал: «Что Вы скажете о человеке, который в бедности не пресмыкается, в богатстве не заносится?» Учитель ответил: «Годится, но он ниже того, который в бедности весел, а в богатстве благопристойен». Цзы-гун сказал: «В “Ши цзине” сказано: “Как будто отесана и обточена (слоно-

вая кость), как будто огранена и ошлифована (яшма)”. Так вот, что это значит?» Учитель сказал: «Цы, теперь с тобой можно толковать о “Ши цзине”, потому что скажешь тебе о прошедшем, а ты знаешь и будущее».

Учитель сказал: «Не беспокойся о том, что тебя люди не знают, а беспокойся о том, что ты не знаешь людей».

Глава II

Учитель сказал: «Кто управляет при помощи добродетели, того можно уподобить северной Полярной звезде, которая пребывает на своем месте, а остальные звезды с почтением окружают ее».

Учитель сказал: «“Ши цзин” хотя и состоит их 300 песен, но они могут быть объаты одним выражением: не имей превратных мыслей».

Учитель сказал: «Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок посредством наказаний, то хотя он и будет стараться избегать их, но у него не будет чувства стыда; если же руководить им посредством добродетели и поддерживать в нем порядок при помощи церемоний, то у него будет чувство стыда и он будет исправляться».

Церемонии, правила, обряды, этикет – за все это еще при жизни Конфуций расплатился сполна. Его оппоненты не упускали случая иронизировать над чудаковатым Учителем, святостно относящимся к, казалось бы, внешним, чисто ритуальным формам, уповающим на их универсальные, непреходящие смыслообразующие значения. И это в церемониальном Китае! Что говорить о европоцентристском сознании, где «китайские церемонии» давно стали словосочетанием нарицательным, обозначающим окостенение формы, препятствующее динамизму жизни. Однако не будем списывать на историко-культурный контекст и специфический китайский менталитет; попытаемся также не модернизировать Конфуция, смягчая углы, трактуя термин «церемонии» расширительно, как культурные традиции. Нет! Церемонии есть церемонии – не больше и не меньше! Гораздо ценнее понять, почему Учитель так держится за них. Но разве он один? Опрокинем эту проекцию на себя. Церемония возложения цветов на могилу – кто посмеет возвысить голос, отрицая ее сокровенный смысл? Принятие присяги высшим должностным лицом государства или военнотружущим, обязательство говорить правду в суде или клятва врача – все эти церемонии, разумеется, не гарантируют добросовестного выполнения возложенных обязанностей, но, безусловно, придают

значимость событию и повышают ответственность человека за взятые на себя обязательства. Уже немало, а клятвопреступники были, есть и будут во все времена. Вот почему Конфуций совершенно справедливо видел в церемониях, ритуале, этикете часть всеобщего нравственно-политического порядка, которого так не хватает сегодня нашему истерзанному в смутах отечеству. Едва ли наши, стремительно вознесенные на политический Олимп, лидеры внимательно читали Конфуция, но, быть может, инстинкт самосохранения, государственная интуиция диктуют им соответствующую линию поведения. Вот почему я бы не спешил иронизировать над явлением государственных мужей ко всеобщей со свечами в руках. Здесь не только дань моде, уступка обрядоверию без должной сокровенной нравственно-религиозной основы. Будем надеяться, что через привычку и устоявшиеся традиции со временем придет и это. Во всяком случае, Конфуций исповедовал именно такой взгляд на вещи. Но не будем уповать только на политиков и вновь обратимся к себе. Вглядываясь в лица соотечественников, выходящих на улицы с красными флагами в дни отмененных советских праздников, постепенно начинаешь понимать, что, быть может, больше всего они тоскуют не по малопонятным обывателю и тогда и сейчас «измам», но именно по церемониям, без которых жизнь любого государства становится пресной, унылой. Военный парад, демонстрация трудящихся, праздничный стол

– все это делало жизнь, даже при самых скромных формах существования, праздничной, ритуально-красивой. Между тем праздника-то больше всего и не хватает россиянам на рубеже нового столетия.

Попытка заменить ритуалы, церемонии шумными шоу и развлечениями малоперспективна, ибо ощущение праздника неотъемлемо от чувства причастности к чему-то большему, чем ты сам (историческая традиция, конфессия, государство, учреждение и т. п.). Пусть даже в основу общности и положены ложные постулаты. В противном случае, когда все это отсутствует, из праздника вынимается его сердцевина и рождается ощущение пира во время чумы, когда радость не в радость. Нравится это кому-то или нет, но таков неумолимый закон социальной психологии. Все мистерии от самых древних до христианских строились на этом принципе приобщения. Похоже, придавая такое, казалось бы, преувеличенное, значение ритуалам и церемониям, Конфуций это понимал. Наша драма заключается в том, что, заснув в одном государстве, а проснувшись в другом, мы судорожно пытаемся заполнить образовавшийся вакуум, воссоздать, подновить давно утерянные церемониальные конструкции или на голом месте (часто битом) спешно возвести нечто новое. При таком нетерпеливом, торопливом подходе неизбежными последствиями являются окарикатуривание, воссоздание фарса вместо мистерии.

Что же делать сегодня российскому педагогу, солидаризирующемуся с отнюдь, как мы убедились, не мертвым ритуализмом Конфуция? То, что и делал всегда. Постепенно, поэтапно, стадийно, органично создавать или поддерживать имеющиеся в школе церемонии и ритуалы. Праздники первого и последнего звонка, традиция прощания с первой учительницей при переходе из начальной школы в среднюю, ритуал посвящения в лицеисты, собственный школьный гимн, особая форма и эмблема – без подобных «мелочей» не складывается никакая целостная воспитательная система. И, наконец, самое главное. Известный западный специалист по управлению Вильям Оучи утверждает, что культура состоит из церемоний (Разрядка моя. – *Е. Я.*), собрания символов и мифов, через которые члены организации получают информацию о ценностях и убеждениях, присущих данной организации. Представления о ценностях помогают понять, что является важным для организации, а убеждения – ответить на вопрос, как она должна функционировать. Организации управляются страхами, табу и часто с помощью иррациональных механизмов, некоторые едва ли осознаются сотрудниками (никому в голову не придет делать это не так, как он это делает) (см.: *Ушаков К.М.* Управление школьной организацией: организационные и человеческие ресурсы. М., 1995. С. 22). Может быть, секрет успешности восточного капитализма, прежде всего, связан с конфуцианским – суперсовременным –

пониманием этих скрытых механизмов управления?

Надеюсь, что после всего сказанного мы с должным вниманием отнесемся к высказыванию Учителя: «Если при обширной учености сдерживать себя церемониями, то благодаря этому также можно не уклониться от истины»

Учитель сказал: «В 15 лет у меня явилась охота к учению; в 30 лет я уже установился, в 40 лет у меня не было сомнений, в 50 лет я знал волю Неба, в 60 лет мой слух был открыт для немедленного восприятия истины, а в 70 лет я следовал влечениям своего сердца, не переходя должной меры».

На вопрос Мэн-цзы, в чем состоит сыновняя почтительность, Учитель ответил: «В непротивлении». Когда Фань Чи вез Учителя, то он сказал ему: «Мэн-сунь спросил меня, в чем состоит почтительность?» Я отвечал ему: «В непротивлении». Фань Чи сказал: «Что это значит?» Учитель сказал: «Когда родители живы, служить им по правилам, когда они умрут, похоронить их по правилам и по правилам приносить им жертвы».

Мэн-у-бо спросил Конфуция о сыновней почтительности. Учитель сказал: «Отец и мать беспокоятся только о том – не болен ли их сын».

На вопрос Цзы-ю о почтительности Учитель сказал: «Современная почтительность к родителям обозначает быть в состоянии кормить их: но ведь собаки и лошади также получают пропитание? При отсутствии почтительности, чем же будет отличаться питание родителей от питания собак и лошадей?»

На вопрос Цзы-ся о почтительности Учитель сказал: «В этом случае трудность заключается в выражении лица (т. е. в том, чтобы постоянно иметь веселый, довольный вид). А что младшие братья и дети будут только брать на себя заботы о делах, будут угощать родителей и старших братьев вином и кушаньем, то разве это можно считать за сыновнюю почтительность?»

Учитель сказал: «Я разговариваю с Хойем целый день, и он не возражает, как будто глуп; но когда, после его ухода, я вникаю в его частную жизнь, нахожу, что он в состоянии уяснить (мое учение). Хой неглуп».

Речь идет об ученике Конфуция по имени Янь Хой³

³ Комментарий В. Малявина.

Учитель сказал: «Где может укрыться человек, если мы будем обращать внимание на его деятельность, всматриваться в его побуждения и вникать в то, что ему доставляет удовольствие?»»

Учитель сказал: «Кто повторяет старое и узнает новое, тот может быть наставником для других».

Учитель сказал: «Благородный муж – не орудие».

Здесь, видимо, впервые в истории человечества прозвучала мысль, которая спустя тысячелетия будет развернута и обоснована выдающимся русским религиозным философом В. Соловьевым, признававшим безусловное внутреннее достоинство за человеком как таковым без всяких ограничений. Человек, считал он, ни при каких условиях, ни по какой причине не может рассматриваться как только средство для посторонних целей. Он не может быть орудием для блага другого человека, нации, класса, ни даже для так называемого общего блага. «Такое общество, где личность не признается в

этом своем значении, где ей присваивается лишь относительная ценность орудия для политических и культурных целей, хотя бы самых возвышенных, не может быть идеалом человеческой общественности и представляет лишь преходящую стадию исторического развития» (Соловьев В. *Оправдание добра* // Соб. соч.: в 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 307).

Сколько столетий должно еще пройти, чтобы человечество наконец осознало эту очевидную истину?

Цзы-гун спросил: «Кто есть благородный муж?» Учитель сказал: «Тот, который сначала действует, а потом говорит».

Учитель сказал: «Благородный муж заботится об общих, а не о частных интересах, а низкий человек, наоборот, заботится о частных, а не об общих интересах».

Учитель сказал: «Учение без размышления бесполезно, но и размышление без учения опасно».

Старинный и вечный спор педагогов о соотношении обучения и развития

Учитель сказал: «Занятие чуждыми учениями принесет только вред».

Здесь стоило бы добавить: для человека неокрепшего, неподготовленного. Понять это мне было дано, когда к нам в школу привели девушку из интеллигентной семьи после попытки суицида. Родители не нашли ничего лучшего, как с целью расширения культурного кругозора нанять ей учителя по индийской философии (в седьмом классе!).

Разумеется, в психических аномалиях девушки-подростка виновата не индийская философия, а несвоевременное занятие чуждыми учениями. В наше смутное время духовных метаний, процветания лжеучений, в диапазоне от дианетики до Аум Синрикё, будем помнить и этот завет Учителя Куна

Учитель сказал: «Ю, научить ли тебя знанию? Что знаешь, то и считай, что знаешь, чего не знаешь, то и считай, что не знаешь – вот это и будет знание».

Цзы-чжан учился с целью добиться жалования. Учитель сказал: «Много слушать и оставлять в стороне сомнительное, а о прочем говорить осторожно, тогда будет мало обвинений; много наблюдать и оставлять в стороне опасное, а в остальном действовать осторожно, тогда будет мало поводов к раскаянию; а если из-за речей будет мало обвинений, а в действиях – мало поводов к раскаянию, то здесь будет и жалование».

Ай-гун спросил: «Что нужно делать, чтобы народ был покорен?» Учитель отвечал: «Если возвышать прямых людей и устранять бесчестных, то народ будет покорен; если же возвышать бесчестных и устранять прямых людей, то он не будет покорен».

Будем считать это методической рекомендацией Учителя для властей предержавших. Увы! От века мы видим то, что видим!

На вопрос Цзи Кан-цзы, как заставить народ быть почтительным и преданным, чтобы побудить его к добру, Учитель отвечал: «Управляй им с достоинством, и он будет почтителен; почитай своих родителей и будь милостив, и он будет предан; возвышай добрых и наставляй неспособных, и

он устремится к добру».

Некто, обратясь к Конфуцию, сказал: «Почему Вы не служите?» Учитель ответил: «Что сказано в “Ши цзине” о сыновней почтительности? Государь Чэнь был только почтителен к родителям, дружен с братьями и распространял это на управляемых – это также будет служба. Почему же только занятие известного поста считать службой?»

Учитель сказал: «Я не знаю, чтобы неискренний человек был годен к чему-либо. Как можно ездить на большой телеге без перекладки для постромок или на малой телеге без ярма?»

Цзы-чжан спросил: «Можно ли наперед знать, что будет в последующие десять поколений?» Учитель сказал: «Династия Инь руководствовалась Сяскими правилами, и что было в них убавлено или прибавлено, то можно знать; династия Чжоу пользовалась Иньскими правилами, прибавки и убавки в которых можно знать. Если бы случилось, что Чжоускую династию сменила другая, то даже можно знать за сотню столетий вперед».

Учитель сказал: «Приносить жертвы чужим пенатам – это значит выслуживаться. Сознать долг и не исполнять его – это трусость».

Глава III

Учитель сказал: «Если человек нечеловечен, то что толку в церемониях? Если человек нечеловечен, то что толку в музыке?»

Линь-фан спросил о сущности церемоний. Учитель сказал: «Как важен этот вопрос! В соблюдении церемоний лучше быть скромным, чем расточительным, а в исполнении траурных церемоний лучше проявлять скорбь, чем благолепие».

Учитель сказал: «У восточных и северных варваров есть правители – не так, как в Китае, где их нет».

Учитель сказал: «Благородный муж ни в чем не состязается, и если уж необходимо, то разве в стрельбе; (но и в этом случае) он поднимается в зал, приветствуя своих соперников и уступая им, а спустившись, пьет чару. И в этом состязании он остается благородным мужем».

Цзы-ся спросил: «Что значит стих “Ши цзина”: “Прелестна ее лукавая улыбка, выразительны ее прекрасные очи, словно разрисованные по грунту”». Учитель сказал: «Разрисовка производится после грунтовки». «В таком случае и церемонии отходят на задний план?» – сказал Цзы-ся. Учитель ответил: «Понимающий меня – это Шань, только с ним и

можно говорить о “Ши цзине”».

Учитель сказал: «О Сяских церемониях я мог бы говорить, но дело в том, что удел Ци не дает для этого достаточных данных; мог бы я говорить и об Иньских церемониях, но Сунский удел не дает для этого достаточных данных».

Учитель сказал: «При великих жертвоприношениях царственному предку и праотцам его, после того как совершено возлияние, у меня нет охоты смотреть их».

По совершении возлияния, которое совершалось в начале жертвоприношения для вызывания духов и с достаточным благоговением, остальная часть обряда совершалась небрежно, и потому Конфуций как строгий ритуалист не хотел присутствовать при этом⁴

Некто спросил о значении великого жертвоприношения предку и праотцам его. Учитель ответил: «Я не знаю, но кто знал бы его значение, для того управлять вселенной было бы так же легко, как показать это» – и он указал на ладонь.

⁴ Комментарий В. Малявина.

Приноси жертву предкам так, как будто они сами присутствуют здесь. Приноси жертву духам, как бы духи присутствовали при этом.

Учитель сказал: «Если я не переживаю в сердце жертвоприношение, то словно и не присутствовал при нем».

Чэн-цзы говорит: «Я полагаю, что эти слова записаны были учениками Конфуция, как выражение того, с каким почтением (искренностью) он относился к жертвам». А между прочим мы прибавим, что, когда у него спрашивали о духах или загробном мире, то он отзывался неведением¹

Учитель сказал: «Династия Чжоу почерпала для себя образцы из двух династий, и поэтому как прекрасны ее правила! Я буду следовать им».

Учитель, войдя в храм предков, спрашивал о каждой вещи. Тогда некто сказал: «Кто говорит, что сын человека из Цзоу (т. е. Шулян-хэ – отца Конфуция) знает церемонии? Вступив в храм, расспрашивает о каждой вещи». Услышав это, Конфуций сказал: «Так и следует вести себя в храме».

Учитель сказал: «При стрельбе из лука суть дела не в том, чтобы попасть в центр мишени, потому что силы не у всех одинаковы. Это древнее правило состязания».

Цзы-гун хотел отменить принесение в жертву живого барана при объявлении в храме предков о наступлении первых чисел каждого месяца. На это Учитель заметил: «Цзы жаль барана, а мне жаль ритуала».

Учитель сказал: «Служение государю с соблюдением всех правил люди признают за лесть».

Князь Дин-гун спросил: «Как государь должен обходиться с чиновниками и как последние должны служить государю?» Учитель ответил: «Государь должен обходиться с чиновниками вежливо, а чиновники должны служить ему с преданностью».

Учитель сказал: «Песнь “Гуань-цзюй” выражает веселье без излишества и печаль, не переходящую в сокрушение».

Ай-гун спросил Цзай-во относительно жертвенника духу – покровителю земли. Цзай-во отвечал: «Сяские государи обсаживали жертвенники соснами, Иньские – кипарисом, а Чжоусцы – каштаном, чтобы заставить народ трепетать». Услышав об этом, Учитель сказал: «Когда дело сделано, нечего говорить о нем, когда делу дан ход, нечего совать-

ся с увещеваниями, а за прошлое нечего винить».

Конфуций сказал: «Гуань-чжун – малоспособный человек!» Некто сказал: «Но правда ли, Гуань-чжун экономен?» На это последовал ответ: «У него был бельведер с тремя входами, и разные должности не соединялись в одном лице; как же его можно назвать экономным?» «В таком случае, он, может быть, знает ритуал?» На это Конфуций ответил: «У владетельного князя поставлен перед воротами щит, и г. Гуань также поставил у себя перед воротами щит; у владетельного князя есть подставка для опрокидывания чарок при дружеском свидании двух государей, г. Гуань также устроил себе такую же подставку. Если он знает церемонии, то кто же их не знает?»

Учитель, объясняя музыку главному лускому капельмейстеру, сказал: «Музыку можно знать: сначала настраиваются инструменты, затем звуки должны быть гармоничны, отчетливы и литься непрерывно до окончания пьесы».

Учитель сказал: «Когда правитель невеликодушен, в исполнении церемоний невнимателен и во время траура не выражает скорби, то где же у меня критерий для суждения о его делах?»

Глава IV

Учитель сказал: «Прекрасна та деревня, в которой господствует человечность. Если при выборе места мы не будем селиться там, где царит человечность, то откуда можем набраться ума?»

Древний спор о соотношении нравственности и интеллекта, который все просветленные умы человечества решали однозначно: «Гений и злодейство – две вещи несовместные...»

Учитель сказал: «Человек, не имеющий человечности, не может долго выносить бедность и не может постоянно пребывать в радости. Человеколюбивый находит спокойствие в человечности, а мудрый находит в ней пользу».

Учитель сказал: «Только человеческий может и любить людей, и ненавидеть их».

Учитель сказал: «Если у кого есть искреннее стремление

к человечности, тот не делает зла».

Конфуций сказал: «Богатство и знатность составляют предмет человеческих желаний, но благородный муж ими не пользуется, если они достались незаконным путем. Бедность и низкое состояние служат для человека предметом отвращения, но благородный муж не гнушается ими (не отвергает их), если они не заслужены. Как может благородный муж пользоваться этим именем без человечности? Благородный муж ни на час не расстается с человечностью; в суматохе и в разорении она непременно с ним».

Учитель сказал. «Я не видел, чтобы у человека не достало сил быть человечным, если бы он смог приложить к этому старание. Может быть, такие люди есть, но я их не видел».

Самый сильный упрек, который предпосылают Конфуцию его критики, лежит именно в плоскости этого и подобных высказываний. Моральный оптимизм Учителя, казалось бы, опровергнут неоднократно всей последующей историей. Действительно, все, что нам довелось узнать за последние две с половиной тысячи лет, мало убеждает в изначальной природной доброте человека. Агрессия, злоба, изуверство сопутствуют любому времени. Как истинно сказал поэт: «Что ни век

– то век железный». Удивительно другое, что, начиная с Конфуция и кончая Альбертом Швейцером, всегда находились люди, не только утверждавшие обратное, но и своей жизнью опровергавшие пессимистический взгляд на природу человека. Для религиозных мыслителей (в отечественной традиции от В. Соловьева до о. А. Меня) законы этики оказываются лишь ветхой системой заслонов, которые рушатся один за другим, если в основе морали не лежат откровение и вера. Сокрушительной критике секулярной этики особенно трудно что-либо возразить сегодня, в условиях определенного религиозного ренессанса, стремительно сменившего полицейский атеизм (как бы нам по законам маятника так же скоропостижно не прийти к полицейскому атеизму! Некоторые симптомы уже просматриваются).

Но справедливости ради стоит послушать и другую сторону. Вот что пишет на сей счет известный западный философ и психолог Э. Фромм: «Поражение рационализма XVIII и XIX столетий было обусловлено не его верой в разум, а узостью его понятий. Ошибки одностороннего рационализма может исправить не ослабление, а усиление разума и неотступный поиск истины – но не псевдорелигиозный обскурантизм...

...Растущее сомнение в человеческой автономии и разуме породило моральное смятение, и человек остался без руководства и откровения и разума (Сказано почти о нас. – *Е. Я.*).

...Должны ли мы согласиться на то, что альтернатива

религии – релятивизм? Должны ли мы допустить отказ от разума в вопросах этики?.. Нет, есть другая альтернатива. *Правильные этические нормы может сформулировать только разум человека, и только он один* (Здесь и ниже курсив мой. – Е. Я.).

...Наше знание человеческой природы ведет не к этическому релятивизму, а напротив – к убеждению, что источники норм этического поведения следует искать в самой человеческой природе; что моральные нормы основаны на присущих человеку свойствах, грубое их попрание ведет к душевному и эмоциональному разладу.

...Чтобы доверять ценностям, человеку нужно знать себя, свою естественную способность к добру и плодотворности» (цит. по: *Фромм Э. Человек не для себя*. Минск, 1992).

Похоже, что Учитель Кун верил в естественную способность человека к добру и плодотворности, хотя драматические коллизии его собственной жизни едва ли создавали для этого избыточный оптимистический фон. Кто прав в этом извечном споре: сторонники религиозной или автономной морали – судить не нам. Но Учительство, понимаемое как миссия, добровольно взятое на себя предназначение, заставляет, помимо всего прочего, занять конфуцианско-фроммовскую позицию *упрямого педагогического оптимизма*, веры в возможность исправления хотя бы детской части человечества доступными разуму средствами.

В противном случае остается лишь молиться во

спасение. Но это уже другой способ существования.

Учитель сказал: «Погрешности людей соответствуют их категориям и, наблюдая погрешности человека, можно знать, человечен он или нет».

Учитель сказал: «Если человек поутру узнает истинный Путь, то вечером он может умереть без сожаления».

Учитель сказал: «С ученым, который, стремясь к истине, стыдится плохого платья, и дурной пищи, и бедного народа, не стоит рассуждать».

Учитель сказал: «Благородный человек в мире ничего не предрешает, а действует, сообразуясь со справедливостью».

Учитель сказал: «Благородный муж думает о добродетели, а низкий – о спокойствии; благородный муж боится закона, а низкий жаждет корысти».

Учитель сказал: «Кто поступает корыстно, тот вызывает против себя много ропота».

Учитель сказал: «Если кто сможет управлять государством с уступчивостью, требуемой церемониями, то какие

затруднения он встретит в этом? Если кто не будет в состоянии управлять им с уступчивостью, к которой обязывают церемонии, то для чего ему эти церемонии?»

Учитель сказал: «Не беспокойся, что у тебя нет должности, а беспокойся, каким образом устоять на ней; не беспокойся, что люди не знают тебя, а старайся поступать так, чтобы тебя могли знать».

Учитель сказал: «Шэнь! Мое учение проникнуто одним началом?» «Да», – отвечал Цзэн-цзы не задумываясь. Когда Учитель вышел, то ученики спросили его: «Что это значит?» Цзэн-цзы отвечал: «Это значит, что учение нашего Учителя заключается в искренности и снисходительности».

Учитель сказал: «Благородный муж знает долг, а низкий человек знает выгоду».

Учитель сказал: «При виде достойного человека думай о том, чтобы сравняться с ним, а при виде недостойного – исследуй самого себя».

Учитель сказал: «Служа родителям, следует осторожно увещевать их, если замечаешь, что они не слушают, увеличь почтительность, но не оставляй увещеваний; будут удручать тебя, не ропщи».

Учитель сказал: «Кто в течение трех лет не изменит отцовских порядков, того можно назвать почтительным сыном».

Учитель сказал: «Нельзя не помнить возраста своих родителей, чтобы, с одной стороны, радоваться, а с другой – опасаться».

Учитель сказал. «В древности не давали легкомысленно слова, (из опасения) посрамиться неисполнением его».

Учитель сказал: «Редко подвергаются ошибкам те, которые ведут себя сдержанно».

Учитель сказал: «Благородный муж желает быть медленным на слова и быстрым на дела».

Учитель сказал: «Добродетель не бывает одинокой, у нее непременно есть последователи (соседи)».

Цзы-ю сказал: «Служа государю, если будешь надоедать ему своими увещеваниями, то навлечешь срам, а будешь надоедать ими другу, то он охладет к тебе».

Глава V

Учитель, разговаривая с Цзы-гуном, спросил: «А из вас

с Хоем, кто лучше?» Цзы-гун ответил: «Как я смею равняться с Хо- ем: если он услышит о чем-либо одно, то, основываясь на этом одном, узнает о нем все. А я, услышав о чем-либо одно, узнаю только вдвое». Учитель сказал: «Ты не равен ему. Я согласен, что ты не равен ему».

Цзай-во заснул днем. Учитель сказал: «Гнилое дерево не годится для резьбы, а стена, сложенная из навоза, не годится для штукатурки. Стоит ли упрекать Во?» Учитель сказал: «В сношениях с людьми сначала я слушал их речи и верил их действиям, а теперь я слушаю их речи и наблюдаю их поступки. Такая перемена произошла во мне от Во».

Учитель сказал: «Я не видел человека твердого». «А Шэн-чэн?» – отвечал кто-то. «Чэн – человек похотливый, где же ему быть твердым?»

Цзы-гун сказал: «Чего я не желаю, чтобы другие делали мне, того я желаю не делать другим». На это Учитель сказал: «Цзы! Это для меня недостижимо».

Цзы-гун сказал: «Наружные совершенства Учителя могут быть известны, но его рассуждения о природе вещей и о небесных законах нам не могут быть известны».

Цзы-лу боялся услышать что-нибудь новое прежде, чем

услышанное им могло быть приведено в исполнение.

Цзы-гун спросил: «Почему Кун Вэнь-цзы называли образованным?» На это Учитель сказал: «Несмотря на быстрый ум, он любит учиться и не стыдится обращаться с вопросами к низшим, поэтому его и называли образованным».

Конфуций отозвался о Цзы-чжане, что он обладал четырьмя качествами благородного мужа: скромнен по своему поведению, почтителен к старшим, щедр в пропитании народа и справедлив в пользовании его трудом.

Учитель сказал: «Ян Пиньчжун был искусен в общении с людьми, сохраняя к ним почтительность и после продолжительного знакомства».

Цзы-чжан спросил Конфуция, какого он мнения о министре Цзы-вэне, который, трижды занимая эту должность, не выражал радости и, трижды покидая ее, не высказывал неудовольствия и при этом непременно объяснял новому министру правительственные распоряжения старого. Учитель сказал: «Преданный человек». «А не человеческий ли он?» – продолжал Цзы-чжан. «Не знаю, каким же образом он мог быть человеческим?»

Цзи Вэнь-цзы трижды подумает, а потом уже исполнит.

Услышав об этом, Учитель сказал: «Довольно и два раза».

Учитель сказал: «Когда в государстве царил закон, то Нин Уцзы был умен, а когда в нем пошли беспорядки, он оказался глупым. С умом его можно поравняться, но с глупостью нельзя».

Учитель, находясь в уделе Чэнь, сказал: «Надо возвратиться, надо возвратиться! Мои дети стали высокоумны и небрежны в делах; хотя внешнее образование их закончено, но они не знают, как сдерживать себя».

Учитель сказал: «Кто говорит, что Вэй-Шэн-гао прямой человек? Кто-то попросил у него уксусу (у него не было), он выпросил у соседа и дал».

Учитель сказал: «Цзо Цюмин стыдился лукавых речей, вкрадчивой наружности и чрезмерной почтительности, и я также стыжусь их. Цзо Цюмин стыдился дружить с человеком, против которого таил в душе неудовольствие, и я стыжусь этого».

Учитель, обратившись к присутствующим Янь Юаню и Цзы-лу, сказал: «Почему каждый из вас не выскажет своих желаний?» Тогда Цзы-лу сказал: «Я желал бы иметь экипаж, лошадей и легкую шубу, которыми я делился бы с друзьями и не роптал бы, когда бы они пришли в ветхость». Янь Юань

сказал: «Я желал бы не хвастаться своими совершенствами и не разглашать о своих подвигах». Цзы-лу сказал: «Мы хотели бы слышать о Ваших желаниях». Учитель сказал: «Я желал бы старых успокоить, с друзьями быть искренним, а малых лелеять».

Учитель сказал: «Да! Я не видал человека, который мог бы замечать свои погрешности и внутренне осуждать за них себя».

Учитель сказал: «В маленьком селении непременно найдутся люди, преданностью и искренностью подобные мне, но не найдется таких, которые любили бы учиться, как я».

Глава VI

Ай-гун спросил Конфуция: «Кто из Ваших учеников любит учиться?» Тот ответил: «Был Янь Хой, который любил учиться, не переносил гнева на других и не повторял ошибок. К несчастью, его жизнь была коротка, он умер. Теперь таких нет. Не слышно, чтобы были любящие учиться».

Учитель сказал: «О Хое я могу сказать, что сердце его в течение трех месяцев не разлучается с человечностью, тогда как у других ее хватает на день и самое большое на месяц».

Цзи Кан-цзы спросил Учителя: «Можно же допустить Чжун-ю (Цзы-лу) до участия в правлении?» Тот ответил: «Ю – человек решительный, что для него значит участвовать в управлении?» – «Ну а Цю (Цзы-ю) можно допустить?» Учитель сказал: «Цю, он талантливый человек. Какая трудность для него участвовать в управлении?»

Учитель сказал: «Какой достойный человек Янь Хой! Он довольствовался одной чашкой риса и одним ковшом воды и жил в отвратительном переулке. Другой бы не мог вынести этих лишений, а он не изменял своей веселости. Какой достойный человек Хой!»

Жань-цю сказал: «Не то чтобы я не находил удовольствия в твоём учении, а сил у меня не хватает». Учитель сказал: «Те, у которых недостает сил, останавливаются на полпути; теперь ты сам себя ограничиваешь».

Учитель, обратившись к Цзы-ся, сказал: «Ты будь благородным ученым, а не низким».

Учитель сказал: «Кто выходит не через дверь? Но почему же не идут по этому пути?»

Учитель сказал: «Когда природа берет перевес над искусственностью, то мы имеем грубость, а когда искусственность

преобладает над природой, то мы имеем лицемерие, и только пропорциональное соединение природы и искусственности дает благородного человека».

Учитель сказал: «Человек от рождения прям и если потом, искривившись, остается цел, то это по счастливой случайности».

Учитель сказал: «Тот, кто знает учение, уступает тому, кто находит в нем удовольствие».

Учитель сказал: «С человеком, способности которого выше посредственных, можно говорить о высоких предметах, а с тем, у которого они ниже посредственных, нельзя».

Фань Чи спросил: «Кого можно назвать умным?» Учитель ответил: «Умным можно назвать того, кто прилагает исключительное старание к тому, что свойственно человеку, почитает духов, но удаляется от них». – «А человеческим?» – «А человеческим можно назвать того, кто на первом плане ставит преодоление трудного, а выгоды – на втором».

Учитель сказал: «Умный находит удовольствие в воде; человеческий любит горы; умный подвижен, а человеческий спокоен; умный весел, а человеческий долговечен».

Цзай-во спросил: «Человечный человек, если бы ему сказали, что в колодце есть человек, спустился бы он за ним?» Конфуций сказал: «Зачем так? Благородного мужа можно заставить отправиться к колодцу, чтобы спасти упавшего в него, но его нельзя заставить спуститься в колодец; его можно обмануть, но не одурачить».

Учитель сказал: «Благородный муж, обладающий обширными познаниями в литературе, может также не уклониться от истины, если будет сдерживать себя церемониями».

Учитель увиделся с Нань-цзы. Цзы-лу был недоволен этим. Тогда Учитель с клятвой сказал: «Пусть Небо отринет меня, если я сделал что-нибудь худое».

Нань-цзы – известная развратница, жена Вэйского князя⁵

Цзы-гун сказал: «Если бы нашелся человек, который, щедро раздавая народу, мог бы помочь всем; что Вы скажете о нем? Можно ли его назвать человеческим?» «Не человеческим

⁵ Комментарий В. Малявина.

только, – сказал Учитель. – Но непременно мудрым. Ведь об этом скорбели даже Яо и Шунь. Человечный муж, сам желая иметь устои, создает их и для других, сам желая развиваться, развивает и других. Быть в состоянии смотреть на других, как на самого себя, – вот что можно назвать искусством человечности».

Глава VII

Учитель сказал: «Я передаю старину, а не сочиняю; верю в старину и люблю ее и позволяю себе сравнивать себя с Лао-пыном».

Говорят, что Лао-пын был достойный вельможа Шанской династии⁶

Учитель сказал: «В молчании обогащать себя познаниями, учиться с ненасытной жадной и просвещать людей, не зная усталости – какое из этих трех качеств есть во мне?»

Учитель сказал: «То, что мы не преуспеваем в добродете-

⁶ Комментарий В. Малявина.

ли, не уясняем себе изучаемого, не можем устремляться на зов долга и не в состоянии исправить свои недостатки – вот о чем я скорблю».

В свободное время Учитель имел спокойный и довольный вид.

Учитель сказал: «Ужасно я опустился и давно не вижу во сне Чжоу-гуна».

Этим Конфуций хочет сказать, что из-за упадка сил у него остыло стремление к осуществлению принципов Чжоу-гуна, что составляло его заветную мечту¹

Учитель сказал: «Стремись к истине, держись добродетели, опирайся на гуманность и забавляйся свободными искусствами».

Учитель сказал: «Я никому не отказывал в наставлении, начиная с тех, которые приносили гонорар из связки сушеного мяса».

Учитель сказал: «Нерадивых я не просвещаю, не сгораю».

щим нетерпением получить разъяснения не объясняю и своих уроков не повторяю тем, которые по одному приподнятому углу не отгадывают трех остальных».

Когда Учителю приходилось кушать подле лиц, одетых в траур, он никогда не наедался досыта. Он не ел в тот день, когда плакал.

Учитель, обратясь к Ян Юаню, сказал: «Употребляют нас в дело, мы действуем, устраняют нас от него, мы скрываемся. На это способны только мы с тобой». Цзы-лу сказал: «Если бы Вы предводительствовали армией, то кого бы Вы взяли с собой?» Учитель сказал: «Я не взял бы с собою того, кто бросается на тигра с голыми руками или пускается вплавь по реке и умирает без сожаления. Я взял бы непременно того, кто в момент действия чрезвычайно осторожен и, любя действовать обдуманно, достигает успеха».

Учитель сказал: «Если бы богатства можно было домогаться, то, хотя бы для этого пришлось быть кучером, я сделался бы им, а так как его нельзя домогаться, то я займусь тем, что мне нравится».

Учитель с вниманием относился к приведению в порядок своих помышлений перед жертвоприношением, к войне и к болезни.

Приводить в порядок свои помыслы перед жертвоприношением для того, чтобы достойно вступить в сношение с духами⁷.

Учитель во время пребывания в Ци, услышав музыку Шао, в течение трех месяцев не находил вкуса в мясе, говоря, что он не ожидал, чтобы эта музыка была в такой степени очаровательна.

По объяснению толкователей, музыка Шао была прекраснейшей и нравственнейшей¹

Учитель сказал: «Есть грубую пищу, пить воду и спать на согнутом локте – в этом также заключается удовольствие. Неправое богатство, и притом соединенное со знатностью,

⁷ Комментарий В. Малявина.

для меня подобно мимолетному облаку».

Учитель сказал: «Если бы мне прибавили несколько лет жизни для окончания изучения И-цзина, тогда у меня не было бы больших погрешностей».

Шэ-гун спрашивал у Цзы-лу о Конфуции. Тот не дал ему ответа. Тогда Учитель сказал Цзы-лу: «Почему ты не сказал ему, что этот человек в своем энтузиазме забывает о пище, весел до забвения печали и не замечает приближения старости? Вот как следовало бы тебе отвечать ему».

Учитель сказал: «Я не тот, который обладает знанием от рождения, а тот, который, любя древность, усердно ищет ее».

Учитель не говорил о чудесном, о физической силе, о смутах и о духах.

Учитель сказал: «Если идут вместе три человека, то между ними непременно есть мой учитель; я избираю из них лучшего и следую за ним, а дурной побуждает меня к исправлению».

Учитель сказал: «Думаете ли вы, дети, что я скрываю от вас что-нибудь? Нет, я от вас ничего не скрываю; все мои деяния вам известны. Таков я».

Учитель учил четверем предметам: письменам, нравственности, преданности и искренности.

Учитель сказал: «Мудреца мне не удалось видеть: но если бы мне удалось видеть одаренных выдающимися талантами и нравственными достоинствами, и то ладно».

Учитель удил рыбу, но не ловил ее сетью, не метал стрелы в сидящую птицу.

Учитель сказал: «Вероятно, есть люди, которые делают что-либо, не зная почему. Я не таков. Я преуспеваю в достижении знаний, потому что знаю, как приобретать их. Много слушать, избирать из этого хорошее и следовать ему; много наблюдать и запоминать – это второстепенное знание».

С Хусянцами трудно было говорить (о добре) и потому, когда пришел представиться Хусянский мальчик, то ученики отнеслись к нему подозрительно. Тогда Конфуций сказал: «Человек пришел ко мне, очистив себя, и я допускаю, что он мог очиститься; но, конечно, не могу ручаться за его прошлое; я только допускаю его к себе, но не ручаюсь, что он не сделает чего-либо нехорошего по выходе от меня. Это уж было бы чересчур!»

Учитель сказал: «Далеко ли от нас человечность? Когда

мы хотим ее, то она у нас под руками».

Когда Конфуций бывал в компании с человеком, который пел, то, если он пел хорошо, он заставлял его повторить, а потом уже сам подпевал ему.

Учитель сказал: «В письменности я, может быть, и подобен другим. Что же касается личного исполнения мною того, что требуется от благородного мужа, то в этом я совершенно не успел».

Учитель сказал: «На святость и гуманность я не смею претендовать; но что я ненасытно стремлюсь к этому и просвещаю людей, не зная усталости, то это можно сказать обо мне». «Верно, – сказал Гун-си-хуа, – только мы не в состоянии подражать тебе в этом».

Когда Учитель заболел, то Цзы-лу попросил у него дозволения помолиться духам о его выздоровлении. Учитель сказал: «А существует ли это?» «Существует, – отвечал Цзы-лу, – в одной эпитафии сказано: “Молимся за тебя духам неба и земли”. Тогда Учитель сказал: «Я давно уже молюсь».

Учитель сказал: «Расточительность ведет к непослушанию, а бережливость к скаредности, но лучше быть скаредным, чем непочтительным».

Учитель сказал: «Благородный муж безмятежен и свободен, а низкий человек разочарован и скорбен».

Учитель был ласков, но строг, внушителен, но не свиреп, почтителен, но спокоен.

Глава VIII

Учитель сказал: «Почтительность, не сдерживаемая церемониями, ведет к трусости, храбрость – к смутам, прямота – к запальчивости. Когда человек, занимающий высокое положение, крепко привязан к родным, то народ проникается чувствами гуманности, когда он не оставляет старых друзей, то народ не бывает скаредным».

Цзэн-цзы, заболевши, призвал своих учеников, сказав им: «Откройте мои ноги, откройте мои руки. В “Ши цзине” сказано: «(Блюди себя) со страхом и трепетом, как будто бы ты стоял на краю бездны или ступал по тонкому льду». Теперь я знаю, что я сохранил мое тело в целости. Да, мои дети!»

Когда Цзэн-цзы заболел, его навестил Мэн-цзин-цзы и осведомился о его здоровье. Цзэн-цзы сказал: «Когда птица при смерти, то пение ее жалобно; когда человек при смерти, то слова его добры».

Для человека, занимающего высокое положение, в правилах поведения важны три вещи: телодвижения, свободные от грубости и небрежности, выражение лица, близкое к искренности, и тон речи, свободный от вульгарности и несообразности. А что касается жертвенных сосудов, то для этого есть специальные чины.

Цзэн-цзы сказал: «Будучи способным, обращаться с вопросами к неспособным; обладая многим, обращаться с вопросами к мало знающим; иметь и как бы не иметь, быть полным и как бы пустым, и не считаться за оскорбления – так поступал один мой друг».

Под именем друга разумеют Янь Хоя. Он, один из учеников Конфуция, как человек, почти достигший свойственного святому мужу, или мудрецу, полного отрицания своей личности, мог поступать таким образом⁸

Цзэн-цзы сказал: «Ученый не может не быть широкой натурой, твердым и выносливым, потому что обязанность его

⁸ Комментарий В. Малявина.

тяжела и путь его далек. Человечность он считает своей обязанностью. Разве это не тяжелое бремя? Только со смертью оканчивается его обязанность – разве это не далекий путь?»

Конфуций сказал: «Начинай образование с поэзии, упрощай его церемониями и завершай музыкой».

Конфуций сказал: «Народ можно заставлять следовать должным путем, но нельзя объяснять ему, почему».

Конфуций сказал: «Отважный человек, тяготящийся бедностью, произведет смуту, точно так же, как и человек, лишенный человечности, если его через меру ненавидят».

Конфуций сказал: «Пусть человек обладает превосходными талантами Чжоу-гуна, но если он тщеславен и скареден, то остальные качества его не заслуживают внимания».

Нелегко отыскать человека, который бы, проучившись три года, не стремился к жалованью.

Конфуций сказал: «Искренно веруй и люби учиться, храни до смерти твои убеждения и усвершенствуй свой путь».

В государство, находящееся в опасности, не входи: в государстве, объятom мятежом, не живи: появляйся, когда во вселенной царит закон, и скрывайся в эпоху беззакония.

Стыдно быть бедным и занимать низкое положение, когда в государстве царит закон; равно стыдно быть богатым и знатным, когда в государстве царит беззаконие.

Читатель уже, вероятно, обратил внимание на то, что одним из ключей к пониманию Конфуция является конструирование диалогов между ним и людьми, удаленными во времени и в географии. На такую вольность подвигнул нас сам Учитель, веривший в общечеловеческие духовные корни, которые, в свою очередь, являются залогом сближения всех народов.

Вот почему, в буквальном смысле слова опешив от призыва скрываться в эпоху беззакония, не входить в государство, находящееся в опасности, я припомнил прямо противоположную точку зрения на роль мудреца (интеллигента) в «смутные времена». Когда-то выдающегося культуролога и историка Юрия Лотмана спросили: почему он не уезжает из России? И получили молниеносный ответ: «Место врача – в чумном бараке!» Едва ли Конфуция с его общественным темпераментом и административным опытом (работал надзирателем за продовольственными поставками, борясь со злоупотреблениями) можно заподозрить в отсутствии активной гражданской позиции. В определенном смысле о. А. Мень прав, когда называет его служивым человеком в душе,

честным чиновником. Но тогда, быть может, вторая часть высказывания несколько проясняет первую, и речь идет лишь о нравственной невозможности для достойного человека занимать высокое положение в незаконном государстве. Не будем спешить с выводами, ибо одним ключом эту дверь не открыть – необходима целая связка. Вчитаемся внимательно в другое высказывание (см. наст. издание с. 130–131), где Учитель разворачивает своеобразную типологию ухода. Итак, уход нравственных и умных людей от мира, из страны, от небрежного обращения, из-за слов.

Оставим в стороне эмиграцию из страны, объята́й смутой, отметив, что мы лишь недавно научились, по крайней мере, не осуждать людей, принявших и принимающих подобные решения, и обратимся к трем иным уходам: от мира, от небрежного обращения, из-за слов. Такая реакция на несовершенство бытия, разумеется, была знакома Конфуцию по даосизму, а нам даже при самом поверхностном знакомстве с религиозными учениями легко проследить ее вплоть до дней нынешних. В отечественной истории самый яркий пример последовательного ухода от мира в отшельничество, а затем от небрежного обращения, из-за слов – из обители являет преподобный Сергей Радонежский. Перечитайте его житие. Аскеза, постриг – путь индивидуального личного спасения, который проходили многие, но святыми становились лишь единицы – лишь те, чей духовный подвиг в буквальном смысле преобразал жизнь. Вот почему, на мой взгляд,

конфуцианское понимание ухода от мира предполагает обязательное возвращение: «Если в стране слабеет Путь, то слова святого возобновляют Его; если в стране нет Пути, то святой докажет всем, что Путь существует, и они примут Его без сопротивления»

Конфуций сказал: «Заносчив и непрям, невежествен и некроток, неспособен и неискренен – таких я не признаю».

Конфуций сказал: «Учись так, как будто боишься не достигнуть предмета, да еще опасаясь потерять его».

Конфуций сказал: «Возвышенны Яо и Шунь, которые, обладая вселенной, относились к этому безучастно».

Конфуций сказал: «Как велик был Яо как государь! Как возвышен он! Только одно Небо велико и только один Яо соответствовал ему. Необъятен он (по своим доблестям) так, что народ не может изъяснить его. Высок он по своим наружным совершенствам».

Глава IX

Конфуций редко говорил о выгодах, судьбе и человеколюбии.

Человек из деревни Да-сян сказал: «Как велик Конфуций! Обладая обширной ученостью, он, однако, ничем не составил себе имени». Услыхав об этом, Конфуций, обратясь к своим ученикам, сказал: «Чем бы мне заняться: стрельбой или кучерством?»

Конфуций сказал: «Церемонии требуют пеньковой шапки; но так как в настоящее время шелк сходней, то я последую общему примеру. Кланяться внизу (перед залю) – этого требуют церемонии; но ныне кланяются наверху – это дерзко, и потому, хотя это будет вопреки всем, я буду кланяться внизу».

Учитель был свободен от следующих четырех предметов: предвзятого взгляда, самоуверенности, упрямства и эгоизма.

Глава палаты чинов спросил у Цзы-гуна: «Ведь Ваш Учитель мудрец? Как много у него талантов!» Цзы-гун сказал: «Верно, Небо щедро одарило его, приблизив его к святости, и еще даровало ему много талантов». Конфуций, услышав об этом, сказал: «Глава палаты чинов знает ли меня? В молодости я находился в низком положении и потому знал много низких профессий. Благородному мужу много ли нужно знать? Немного». Лао сказал: «Конфуций говорил о себе: “Меня не испытывали (для государственной деятельности), потому я занимался свободными художествами”».

Конфуций сказал: «Есть ли у меня знание? Нет, я не имею его. Но если простой человек спрашивает меня о чем-нибудь, то, как бы ни был пуст вопрос, я беру его с двух противоположных сторон и объясняю ему во всей его полноте».

Конфуций при виде одетого в траурное или парадное платье, а также слепого, если сидел, непременно поднимался, а когда проходил мимо них, то ускорял шаг.

Ян Хой с глубоким вздохом сказал: «Чем более взираешь на учение (Конфуция), тем более оно кажется еще выше; чем более стараешься проникнуть в него, тем оно становится еще непроницаемее; смотришь – оно впереди, то вдруг позади. Но Учитель – человек систематичный, он умеет завлечь человека, обогащает меня всевозможными познаниями и сдерживает меня правилами церемоний. Хотел оставить (учение Конфуция) и не мог; и, когда истощил все свои способности, оно как будто бы стояло (предо мною), выдаваясь; хотя бы я хотел последовать за ним, у меня нет для этого средства».

Конфуций тяжело заболел; тогда Цзы-лу прислал к нему своего ученика, чтобы он состоял при нем в качестве домашнего чиновника (на что имели право высшие чины, удалившиеся со службы). Но Конфуцию стало лучше, и он сказал: «Цзы-лу, давно уже твое поведение фальшиво. Не имея пра-

ва на чиновника и имея таковое, кого я обману? Разве Небо? Кроме того, не лучше ли мне умереть на руках моих учеников, чем на руках чиновников. Вдобавок допустим, что я не удостоюсь пышных похорон, но не бросят же меня на дороге, когда я умру».

Цзы-гун сказал: «Есть вот тут прекрасная яшма, – спрятать ли нам ее в ящик или же постараться продать ее за хорошую цену?» «Продать, продать, – сказал Конфуций, – я ожидаю покупателя».

Конфуций хотел удалиться к восточным варварам. На это кто-то заметил: «Ведь они грубы. Как же можно?» Конфуций отвечал: «Там, где живет благородный муж, нет места грубости».

Конфуций сказал: «Во внешней жизни служить князьям и вельможам, во внутренней – отцу и братьям, не смей не усердствовать в делах похоронных и не пьянеть от вина, – что есть во мне из всего этого?»

Конфуций, находясь на реке, сказал: «Все проходящее подобно этому течению, не останавливаемому ни днем ни ночью».

Конфуций сказал: «Я не видел, чтобы люди любили добро

так же, как красоту».

Конфуций сказал: «Например, я делаю горку и для окончания ее недостает одной плетушки земли, – останавливаюсь, – эта остановка моя; возьмем опять для примера уравнивание земли; хотя бы вывалена была одна плетушка, и я подвинулся в работе на эту плетушку – ведь это я сам подвинулся».

Конфуций сказал: «Бывают колосья, которые не цветут, а бывают и такие, которые цветут, но не наливаются».

Конфуций сказал: «На молодежь следует смотреть с уважением. Почем знать, что будущее поколение не будет равняться с настоящим. Но тот, кто в сорок – пятьдесят лет не приобрел известности, уже не заслуживает уважения».

Конфуций сказал: «Можно ли не следовать резонным советам? Но (в этом случае) важно исправление. Можно ли не быть довольным ласковыми внушениями? Но важно, чтобы они понимались. Но если человек доволен внушениями, но не вникает в смысл их, принимает советы, но не исправляется, с таким я не могу ничего поделать».

Конфуций сказал: «Почитай за главное преданность и искренность, не дружи с неподобными себе; ошибся – не бойся

исправиться».

Конфуций сказал: «У многочисленной армии можно отнять главнокомандующего, но даже у обыкновенного человека нельзя отнять его воли».

Конфуций сказал: «Только с наступлением холодного времени года мы узнаем, что сосна и кипарис опадают последними».

Конфуций сказал: «Умный не заблуждается, человеческий не печалится, мужественный не боится».

Конфуций сказал: «Человек, с которым можно вместе учиться, еще не есть человек, с которым можно вместе идти по пути (добродетели); человек, с которым можно идти вместе по пути добродетели, еще не есть человек, с которым можно утвердиться в добродетели; человек, с которым можно утвердиться в добродетели, еще не есть человек, с которым можно взвешивать должное».

Глава X

Конфуций в своей родной деревне имел простодушный вид, как будто бы не мог сказать слова. А в храме предков и при дворе он говорил обстоятельно, но только с осторож-

НОСТЬЮ.

В ожидании аудиенции, в разговоре с низшими вельможами он был тверд и прям, а в разговоре с высшими был любезен. В присутствии государя он выступал с благоговением, но с должным достоинством.

Когда государь подзывал его и приказывал принять иностранных посланников, то он менялся в лице и ноги у него подкашивались. Когда он делал приветствие руками направо и налево стоящим сослуживцам, то его платье спереди и сзади сидело гладко, а спешил в царские покои, словно птица с растопыренными крыльями. Когда гости удалялись, то он непременно докладывал государю, говоря: «Гости не оглядываются».

В ворота княжеского дворца входил наклонившись, как бы не помещаясь в них (в знак уважения). Посередине ворот он не останавливался и, проходя, не ступал на порог. Проходя мимо престола, он менялся в лице, ноги его подгибались, и он говорил как будто бы у него недоставало духу. Подобрав подол платья, он вступал в залу, согнувшись и затаив дыхание, как будто не дышал. По выходе, когда спускался на одну ступеньку, лицо его распускалось и делалось спокойным. Спустившись с крыльца, он быстро бежал, растопырив руки, и благоговейно возвращался на свое место.

Учитель не гнушался кашею из обрушенного риса и мясом, изрубленным на мелкие куски. Он не ел ни каши, испортившейся от жары или влажности, ни испортившейся рыбы и тухлого мяса; не ел также предметов с изменившимся цветом и запахом, не ел кушанья, приготовленного не в пору, а также всего несозревшего, порезанного неправильно или приготовленного с несоответствующим соусом.

Покупного вина и базарного мяса Учитель не ел. Он никогда не обходился без имбиря. Участвуя в государственных жертвоприношениях, он не допускал, чтобы мясо оставалось более трех дней, в противном случае он его не ел. Во время еды не отвечал; во время сна не разговаривал.

Хотя пища его состояла из кашицы или овощного супа, он непременно отделял из них в жертву и непременно давал это с благоговением.

На рогожку, посланную неровно, Учитель не садился.

На деревенском пиру он не выходил (из-за стола, рогожки) ранее стариков. Когда жители его родной деревни прогоняли поветрие, то он в парадном платье стоял на восточной стороне крыльца.

Когда у него сгорела конюшня, то Конфуций, возвратив-

шись из дворца, сказал: «Ранен ли кто-нибудь?», а о лошадях даже не спросил.

Когда владетельный князь жаловал его кушаньем, то он непременно, поправив рогожку, предварительно отведывал его. Если князь жаловал его сырым мясом, то он непременно варил его и приносил жертву предкам; а если князь жаловал живую скотину, то он кормил ее.

В случае приказания государя явиться он отправлялся пешком, не ожидая, пока для него запрягут телегу.

Когда умирал друг, которого некому было похоронить, он говорил: «Я похороню его». За подарки друзей, хотя бы они состояли из телеги и лошади, но не из жертвенного мяса, он не кланялся.

Спал он не наподобие трупа, навзничь, и в обыденной жизни не принимал на себя важного вида. Увидав одетого в траур, хотя бы короткого знакомого, он менялся в лице; увидев кого-либо в парадной шапке или слепца, хотя часто встречался с ними, он непременно выказывал к ним вежливость. Когда, сидя в телеге, он встречал одетого в траур, то, опираясь на перекладину, наклонялся (в знак соболезнования); такую же вежливость он оказывал и лицам, несшим списки населения (из уважения к народу). При виде роскош-

ного угощения он непременно менялся в лице и вставал. Во время грозы и бури он непременно менялся в лице.

Сидя в телеге, Учитель не оглядывался назад, не говорил быстро и не указывал пальцем.

Глава XI

Конфуций сказал: «Хотя прежние люди в церемониях и музыке были дикарями, а последующие люди образованными; но если бы дело коснулось употребления их, то я последовал бы за первыми».

Конфуций сказал: «Хой (Янь Юань) не помощник мне; во всех моих речах он находил удовольствие».

Когда Янь Юань умер, то Конфуций горько плакал. Сопутствовавшие ему сказали: «Учитель, ты предаешься чрезмерной скорби». Он отвечал: «Чрезмерной скорби? О ком же мне глубоко скорбеть, как не об этом человеке?»

Цзы-лу спросил о служении духам (умерших). Учитель отвечал: «Мы не умеем служить людям, как же можем служить духам?» – «Осмелюсь спросить о смерти». Конфуций ответил: «Мы не знаем жизни, как же знать смерть?»

Конфуций сказал: «Ю (Цзы-лу) не в моей школе научился игре на гуслях».

Его игра отличалась грубостью и воинственностью⁹

Ученики Конфуция не уважали Цзы-лу. Учитель сказал: «Ю вошел в зал, но не вступил во внутренние покои (т. е. не постиг всей сути мудрости)».

Цзы-гун спросил: «Кто достойнее – Цзы-чжан или Цзы-ся?» Конфуций ответил: «Цзы-чжан переходит за середину, а Цзы-ся не доходит до нее». «В таком случае, – продолжал Цзы-гун, – Ши лучше Шана». Конфуций сказал: «Переходить должную границу – то же, что не доходить до нее».

Фамилия Цзи была богаче Чжоу-гуна; и Жань-ю собирал для нее доходы и увеличивал ее богатства. «Он не мой ученик, – сказал Конфуций. – Дети, бейте в барабаны и нападайте на него, он заслуживает этого!»

⁹ Комментарий В. Малявина.

Конфуций сказал: «Хой (Янь Юань) почти близок к истине и по своему бескорыстию часто терпит нужду. Цы (Цзы-лу) не мирится с судьбою, приумножает свое имущество, и расчеты его часто бывают верны».

Цзы-лу хотел послать Цзы-гао начальником города Ми. На это Конфуций сказал: «Это значит погубить чужого сына». Цзы-лу сказал: «Там есть народ (которым надо управлять), есть и духи земли и хлебов (которым надо приносить жертвы). Какая необходимость в чтении книг, чтобы научиться этому?» Конфуций сказал на это: «Вот почему я ненавижу краснобаев».

Цзы-лу, Цзэн-Си, Жань Ю и Гунси Хуа сидели подле Конфуция, который сказал им: «Не стесняйтесь говорить потому, что я несколько старше вас. Вы постоянно говорите, что вас не знают, а что бы вы сделали, если бы вас знали?» На это Цзы-лу легкомысленно отвечал: «Если бы я управлял владением в тысячу колесниц, окруженным большим государством, испытавшим нашествие неприятеля, а вследствие этого удручаемым голодом, то к концу трех лет мог бы внушить ему мужество и направить к сознанию долга».

Конфуций усмехнулся: «Ну а ты как, Цю?»

Цю отвечал: «Если бы я управлял маленьким владением в 60–70 ли, а то и в 50–70 ли, то в течение трех лет я мог бы довести народ до довольства. Что же касается церемоний

и музыки, то для этого пришлось бы подождать достойного человека».

«Ну а ты, Чи, что?»

Последний отвечал: «Я не скажу, чтобы я мог это, но я желал бы поучиться и при жертвоприношениях в храме предков, при представлениях удельных князей и их сановников желал бы в черном парадном платье и парадной шапке исполнять обязанности младшего церемониймейстера».

«Ну а ты, Дянь (Цзэн-Си), что скажешь?»

Когда замерли звуки гуслей, на которых он играл, он отложил их и, поднявшись, отвечал: «Мой выбор отличается от выбора трех господ». Конфуций сказал: «Что за беда? Ведь каждый высказывает свои желания».

Тогда Дянь сказал: «Под конец весны, когда весеннее платье сшито, я желал бы с пятью-шестью молодыми людьми искупаться в реке. И наслаждаться прохладой на холме Уюй и с песнями возвращаться домой».

Конфуций с глубоким вздохом сказал: «Я одобряю Дяня».

Глава XII

На вопрос Янь Юаня о человечности Конфуций сказал: «Победить себя и возвратиться к церемониям – значит стать человечным. И в тот день, когда (человек) победит себя и возвратится к церемониям, вселенная возвратится к человечности. Быть человечным зависит ли от себя или от лю-

дей?»

На вопрос Чжоу-гуна о человечности Конфуций отвечал: «Вне дома веди себя, как будто бы ты принимал знатного гостя; распоряжайся народом, как будто бы ты участвовал при великом жертвоприношении; чего не желаешь себе, не делай и другим. Тогда как в государстве, так и дома не будет против тебя ропота».

Нет этической максимы, более очевидной и в то же время бесконечно опровергаемой во все времена так называемыми соображениями высшего порядка, которые на поверку оказываются всего лишь низменными, корыстными, сиюминутными резонами.

Было, есть и будет!

Не знаю ни одного нормального учителя, кто не стремился бы внушить своим питомцам эту истину, но лжеучителей человечество также имело и имеет предостаточно. Глубинная экзистенциальная драма каждый раз предстает на сцене жизни в новых декорациях. Хотя новизна их относительная, и если уж ставить перед собой глобальные педагогические задачи, то, быть может, одной из них стоит признать демонтаж ветхих сценических конструкций, прикрывающих все то же неизменное мировое зло, идолопоклонство в любых его формах и проявлениях. Каждый раз, когда в нашем скорбном отечестве

затеваются очередное кровавое шоу, мы видим одну и ту же удручающую картину: небольшую кучку чудаков-интеллигентов, протестующих на площади. Видимо, их учителя оказались более убедительными в передаче конфуцианской идеи не делать другим, чего не желаешь себе. В остальной своей части «народ безмолвствует». Правда, до тех пор, пока молчаливая поддержка абстрактных идеологем и схем не оборачивается глубокой личной трагедией. Грустно осознавать столь низкий КПД суммарных педагогических усилий. Но это еще не повод опускать руки. «Медленно роет крот истории», и к концу XX столетия мы постепенно уходим от романтизации насилия («дело прочно, когда под ним струится кровь»). Не случайно объектом культурной канонизации становятся «чудаки», исповедовавшие этические максимы и, что самое главное, сумевшие их реализовать в жизни: Махатма Ганди, доктор Гааз, Альберт Швейцер, А. Сахаров, А. Мень

На вопрос Сыма Нью о человечности Конфуций отвечал: «Человечность – это осторожность в речах». На это Сыма Нью сказал: «Осторожность в речах – это ли называется человечностью?» Конфуций отвечал: «Что трудно сделать, разве о том можно говорить без осторожности?»

На вопрос Сыма Нью о благородном муже Конфуций отве-

чал: «Благородный муж тот, который не скорбит и не боится». На это Сыма Нью сказал: «Кто не боится и не скорбит, этот и есть благородный муж?» Конфуций сказал: «Кто, исследуя свой внутренний мир, не находит в себе недостатков, чего же ему скорбеть или бояться?»»

На вопрос Цзы-чжана об умном Конфуций отвечал: «Умным и даже дальновидным можно назвать того, на кого не действуют ни медленно всасывающаяся клевета, ни жалобы на кровные обиды».

На вопрос Цзы-гуна, в чем состоит управление, Конфуций отвечал: «В довольстве пищи, в достаточности военных сил и в верности народа».

Цзы-гун сказал: «Но если бы предстояла необходимость исключить одну из этих трех статей, то какую исключить прежде?» «Военную часть», – отвечал Конфуций. Цзы-гун сказал: «А если бы правительство вынуждено было пожертвовать одной из этих двух, то какую прежде?» «Пищей, – сказал Конфуций, – потому что смерть всегда была общим уделом, а без доверия народа правительство не может стоять».

Цзи-цзы Чэн сказал: «Благородному мужу нужна только безыскусственность, к чему еще ему шлифовка?»»

Цзи-цзы Чэн, Вэйский вельможа, скорбя о преобладании в своих современниках внешнего лоска над природой, сказал это изречение¹⁰

Цзы-гун сказал: «Увы! Ваши слова – слова благородного мужа; но даже четверка лошадей не в состоянии догнать слово, сорвавшееся с языка. Внешнее украшение подходит к природе, а природа – к украшению. Шкура барса и тигра без волос походит на шкуру собаки и барана».

В ответ на вопрос Циньского князя Цзина о правлении, предложенный им Конфуцию, последний отвечал: «Правление есть там, где государь есть государь, министр – министр, отец – отец и сын – сын».

На это князь сказал: «Прекрасно! Действительно, если государь не будет государем, министр министром, отец отцом и сын сыном, то хотя бы у меня был хлеб, буду ли я в состоянии пользоваться им?»

Учитель сказал: «Слушать тяжбы я могу подобно другим;

¹⁰ Комментарий В. Малявина.

но что необходимо – это чтобы не было тяжб».

В ответ на вопрос Цзы-чжана насчет управления Учитель отвечал: «Управление заключается в том, чтобы неустанно сосредоточиваться на нем и нелицемерно осуществлять его».

Учитель сказал: «Если при обширной учености сдерживать себя церемониями, то благодаря этому также можно не уклониться от истины».

Учитель сказал: «Благородный муж содействует людям в осуществлении их добрых дел, но не злых, а низкий человек поступает противно этому».

На вопрос Цзи Кан-цзы о правлении Учитель отвечал: «Правление есть исправление. Если вы будете подавать другим пример прямоты, то кто же осмелится быть непрямым?»

Цзи Кан-цзы, спрашивая Конфуция о правлении, сказал: «Что Вы скажете, если мы будем казнить беззаконных людей для образования нравственных людей?» – «Вы управляете, зачем же прибегать к убийству? Если Вы пожелаете быть добрым, то и народ будет добр. Добродетели благородного мужа – это ветер, а качества низкого человека – это трава, и ветер, гуляющий по траве, непременно пригибает ее».

На вопрос Фань Чи о человечности Учитель отвечал: «Человечность – это любовь к людям». На вопрос: «Что такое знание?» – Учитель отвечал: «Знание – это знание людей». Фань Чи не понял. Учитель сказал: «Возвышая людей честных и преграждая путь бесчестным, мы можем сделать бесчестных честными».

Цзы-гун спросил: «В чем состоит дружба?» Учитель ответил: «В искреннем увещании и в добром руководстве; нельзя – прекрати, не срами себя».

Глава XIII

Цзы-лу спросил: «В чем состоит правление?» Учитель ответил: «В том, чтобы предупреждать народ своим примером и трудиться для него». На просьбу о дальнейших объяснениях Учитель сказал: «Не ленись».

Цзы-лу сказал: «Вэйский государь ожидает Вас, чтобы с Вами управлять государством. С чего Вы намерены начать?» Учитель ответил: «Необходимо исправить имена». – «Вот как! Вы далеко заходите. К чему это исправление?» – «Дикарь ты, Ю, – отвечал Учитель. – Благородный муж осторожен по отношению к тому, чего не знает. Если имя неправильно, то слово будет противоречить делу, а когда слово

противоречит делу, то дело не будет исполнено. А если дело не будет исполнено, то церемонии и музыка не будут процветать; а если церемонии и музыка не будут процветать, то наказания не будут правильны; а когда наказания будут возвращены, то народ не будет знать, как ему вести себя. Поэтому для благородного мужа необходимо, чтобы имя он непременно мог сказать и слово исполнить, и чтобы в словах его не было ничего бесчестного».

Фань Чи просил научить его земледелию. Учитель ответил: «Я хуже опытного земледельца». – «Тогда прошу научить огородничеству». Учитель ответил: «Я хуже опытного огородника». Когда Фань Чи вышел, Учитель сказал: «Мелкий человек – этот Фань Сюй. Если наверху любят церемонии, то народ не осмелится быть непочтительным; если наверху любят правду, то народ не осмелится не покоряться, если наверху любят искренность, то народ не осмелится не выражать привязанности. А при таких условиях народ, неся в пеленках за плечами своих малых детей, устремится к вам. Зачем же заниматься земледелием?»

Конфуций сказал: «Человек прочитал весь “Ши цзин”, а дадут ему какое-нибудь правительственное дело, он не понимает его; пошлют его в чужое государство, он не в состоянии справиться с поручением. Хотя он и много знает, но какая от этого польза?»

Конфуций сказал: «Если правитель праведен, то народ без приказаний будет все исполнять; если же он сам неправеден, то, хотя бы он приказывал, его не послушают».

Учитель отправился в Вэй с Жань Сю в качестве кучера и (обратившись к нему) сказал: «Как много народу!» Жань сказал: «Коль скоро много, то что еще можно прибавить?» «Обогатить его», – отвечал Учитель. «А когда он разбогатеет, то что еще можно бы сделать для него?» – «Обучить его», – отвечал Учитель.

Учитель сказал: «Если бы кто воспользовался мною для службы, то через год правление было бы уже порядочное, а через три года оно было бы совершенно устроено».

Учитель сказал: «Если бы добрые люди управляли государством сто лет, то тогда возможно победить жестоких и уничтожить казни». Верны эти слова.

Учитель сказал: «Если бы появился государь, проникнутый чувством законности, то по истечении века воцарилась бы человечность».

Учитель сказал: «Если кто исправит себя, то какая трудность для него участвовать в управлении? Если же кто не в состоянии исправить самого себя, то каким образом он будет

исправлять других?»

Дин-гун спросил: «Возможно ли одним словом возвысить государство?» Конфуций отвечал: «От одного слова нельзя ожидать таких результатов. Людская пословица говорит: “Быть государем трудно, но нелегко быть и министром”. Если будем понимать, что трудно быть государем, то разве нельзя надеяться одним этим словом поднять государство?» – «А бывало ли, чтобы одно слово губило государство?» Конфуций ответил: «От одного слова нельзя ожидать этого. Народная пословица говорит: “Я не радуюсь быть правителем, потому что словам его только поддакивают и никто не противоречит ему”. Если слова его хороши и им не противоречат, разве это не хорошо? Если же они нехороши и им не противоречат, не близко ли это к тому, что одно слово губит государство?»

Цзы-ся, сделавшись государем города Цзюйфу, спросил о том, как управлять. Учитель ответил: «Не торопись и не гонись за малыми выгодами. Будешь торопиться, не разумеешь дела, будешь гоняться за малыми выгодами, большого дела не сделаешь».

На вопрос Фань Чи о человечности Учитель ответил: «Будь скромнен в частной жизни, управляй делами с благоговейным вниманием, будь искренен к людям; хотя бы ты ушел

к дикарям, и там нельзя бросить этого».

Цзы-гун спросил: «Каков должен быть тот, кого можно бы назвать ученым?» Учитель сказал: «Ученым можно назвать того, кто не загорен в своем поведении и, будучи послан в чужие края, не посрамит повеления государя». – «Смею спросить: кто будет следующий за этим?» «Тот, – сказал Учитель, – кто в своем роду известен сыновнею почтительностью, а между односельчанами – братской любовью». – «А следующий за этим, смею спросить?» – «Тот, кто непременно остается верен своему слову и непременно приводит в исполнение то, что делает».

Толкователи говорят: «У пылких – перевес ума над поведением, а у сдержанных – перевес поведения над умом». Для того чтобы образовать из них людей, подходящих к конфуцианскому масштабу, т. е. могущих идти путем неуклонной середины, первых необходимо сдерживать, а вторых возбуждать, подстрекать¹¹

Конфуций сказал: «У южан есть поговорка: “Человек, не

¹¹ Комментарий В. Малявина.

обладающий постоянством, не может быть ни знахарем, ни доктором”. Прекрасно! Непостоянный в своем призвании подвергнется посрамлению». Учитель сказал: «Это известно и без гадания».

Учитель сказал: «Благородный муж миролюбив, но не льстив, а низкий льстив, но не миролюбив».

Цзы-гун сказал: «Что Вы скажете о человеке, которого все земляки любят?» «Не годится», – сказал Учитель. «А что Вы скажете о человеке, которого все земляки ненавидят?» «То же не годится, – сказал Учитель. – Лучше тот, которого любят хорошие земляки и ненавидят нехорошие».

Учитель сказал: «Благородному человеку легко служить, но трудно угодить; угождаешь ему не по закону, он не будет доволен. Что касается употребления им людей на службу, то он дает им дело, смотря по их способностям. Подлому человеку трудно служить, но легко угодить; потому что, хотя угождаешь ему и не по закону, но он будет доволен. Что же касается употребления им людей на службу, то он ищет таких, которые были бы способны на все».

Учитель сказал: «Благородный муж отличается спокойным достоинством, но не тщеславен; а подлый человек, наоборот, тщеславен, но не имеет спокойного достоинства».

Учитель сказал: «Человек твердый, решительный, безыс-

кусный и простоватый недалек от человечности».

Цзы-лу спросил: «Каков должен быть человек, чтобы можно было назвать его ученым?» – «Ученым можно назвать того, кто настойчив и убедителен, (неотвязчив) и ласков. По отношению к другим настойчив и убедителен, по отношению к братьям любезен».

Учитель сказал: «Когда хороший человек будет учить народ в течение семи лет, то с таким народом можно идти на войну».

Учитель сказал: «Посылать на войну людей необученных – значит предавать».

Глава XIV

Сянь спросил: «Что постыдно?» Учитель ответил: «Думать только о жалованье, когда в государстве царит порядок, и думать только о том же, когда в нем нет порядка, – это постыдно».

Учитель сказал: «Ученый, думающий о спокойствии и удобствах, не заслуживает этого имени».

Учитель сказал: «Когда в государстве царит порядок, то

как речи, так и действия могут быть возвышенны и смелы; но когда в государстве царит беззаконие, то действия могут быть и возвышенны, но слова покорны».

Учитель сказал: «Человек, одаренный добродетелями, без сомнения, обладает даром слова, но обладающий даром слова не всегда бывает одарен добродетелями; человек человеческий, конечно, обладает храбростью, но храбрость не всегда соединяется с человечностью».

Учитель сказал: «Что благородный муж бывает иногда нечеловечен – это случается; но чтобы низкий человек был человеческим – этого не бывает».

Учитель сказал: «Любящий человек разве может не поощрять к труду (того, кого он любит)? Преданный разве может не вразумлять (своего государя)?»

Учитель сказал: «Быть бедным и не роптать – трудно; быть богатым и не гордиться – легко».

Цзы-гун сказал: «Мне кажется, Гуань-чжун не был человеком. Когда Хуань-гун умертвил княжича Цю, то он не только не мог умереть вместе с ним, но еще сделался министром у убийцы его». На это Учитель заметил: «Гуань-чжун в качестве министра Хуань-гуна поставил его во главе удель-

ных князей, объединил и упорядочил всю вселенную, и народ до сего времени пользуется его благодеяниями. Если бы не Гуань-чжун, мы ходили бы с распущенными волосами и запахивали левую полу (т. е. были бы дикарями). Разве можно требовать от них щепетильности простых мужиков и баб, умерщвляющих себя в канавах и рвах в полной неизвестности?»

Цзы-лу спросил: «Как нужно служить государю?» Учитель ответил: «Не обманывай и укоряй его в лицо».

Учитель сказал: «Благородный муж постепенно поднимается вверх, а подлый человек постепенно опускается вниз».

Учитель сказал: «В древности люди учились для себя, а ныне учатся для других».

Цзэн-цзы сказал: «Мысли благородного мужа не выходят из пределов его положения».

Цзэн-цзы сказал: «Благородный муж скромнен в своих словах, но неумерен в своих действиях».

Конфуций сказал: «У благородного мужа есть три предмета, которых я не в состоянии достигнуть: человеколюбие без скорби, знание без заблуждения и храбрость без страха». Цзы-гун на это сказал: «Это Учитель говорил о себе, а Цзы-

гун любил судить о людях». Учитель сказал: «Ты сам, должно быть, добродетельный человек; а вот у меня нет досуга для этого».

Учитель сказал: «Не беспокойся, что люди тебя не знают, а беспокойся о своей неспособности».

Учитель сказал: «Не предполагать обмана и не подозревать недоверия к себе со стороны, но в то же время наперед прозревать их – это ум».

Учитель сказал: «Отличный конь славится не за силу, а за качества».

Некто сказал: «Что Вы скажете о воздаянии добром за обиду?» На это Конфуций сказал: «А чем же тогда платить за добро? Следует воздавать справедливостью за обиду и добром за добро».

Учитель сказал: «Люди не знают меня!» На это Цзы-гун спросил: «Что значит “не знают Вас?” Учитель ответил: «Я не ропщу на Небо, не виню людей и, изучая низшее, достигаю понимания высшего. Не одно ли Небо знает меня?»

Конфуций сказал: «Люди умные и нравственные удаляются от мира (когда во вселенной царит беззаконие); другие удаляются из страны (т. е. государства, объятаго смутой);

другие удаляются от небрежного обращения, а иные удаляются из-за слов».

На вопрос Цзы-лу, что значит быть благородным человеком, Учитель сказал: «С благоговением относиться к самоусовершенствованию». «Это все?» – сказал Цзы-лу. «Исправлять самого себя, чтобы через это доставлять спокойствие людям», – сказал Учитель. «Это все?» – спросил Цзы-лу. Учитель сказал: «Исправлять себя для доставления спокойствия народу – о трудности этого скорбели даже Яо и Шунь».

Юань-чжан сидел (по-варварски) на корточках, поджидая Конфуция. Учитель сказал: «Кто в юности не отличался послушанием и братской любовью, возмужав, не сделал ничего замечательного, а состарившись, не умирает, – тот разбойник». И при этом ударил его палкою по спине.

Глава XV

На вопрос Вэйского князя Лин-гуна о военном деле Конфуций отвечал: «Дело жертвоприношений мне известно, но военного дела я не изучал».

Во время истощения продовольствия в царстве Чэнь ученики Конфуция заболели от голода и не могли подняться.

Тогда Цзы-лу в досаде, явившись к Конфуцию, сказал: «Видно и благородный человек бывает в стесненном положении!» Учитель отвечал: «Благородный человек строго соблюдает себя в стесненном положении, тогда как подлый, находясь в стесненном положении, делается распущенным».

Учитель сказал: «Цы (Цзы-гун), ты считаешь меня многученым и знающим?» Тот отвечал: «Конечно. А разве нет?» «Нет, – сказал Учитель. – Я все связываю одной истиной».

Учитель сказал: «Управляющий вселенною без деятельности – это ведь был Шунь? Что ему было делать, как не сидеть на троне с самоуважением!»

Цзы-чжан спросил: «Как сделаться известным?» Учитель сказал: «При искренности и верности в слове, твердости и благоговении в деятельности и в царстве дикарей можно преуспевать. При отсутствии этих качеств, хотя бы даже в близком соседстве, разве можно преуспевать? Когда стоишь, представляй, что они (эти качества) предстоят пред тобою; когда находишься в экипаже, представляй, что они опираются на ярмо и тогда преуспеешь». Цзы-чжан записал эти слова на пояс.

Учитель сказал: «Не поговорить с человеком, с которым можно говорить, значит потерять человека; поговорить с че-

ловеком, с которым нельзя говорить – значит потерять слова. Умный человек не теряет ни человека, ни слов».

На вопрос Цзы-гуна о том, как сделаться человечным, Учитель ответил: «Ремесленник, желая хорошо исполнить свою работу, предварительно непременно оттачивает свои инструменты. Живя в известном государстве, служи его достойным сановникам и дружи с его человечными учеными».

На вопрос Янь Юаня о том, как устроить государство, Учитель ответил: «Руководствоваться счислением времени династии Ся; ездить в колеснице династии Инь; носить шапку династии Чжоу; употреблять музыку Шао с танцами; исключить Чжэнский напев и удалять льстецов, потому что первый сладострастен, а вторые опасны».

Учитель сказал: «Человек, не имеющий дальних замыслов, без сомнения, подвергнется близкой скорби».

Учитель сказал: «Кончено! Я не видел, чтобы люди так любили добродетель, как любят красоту».

Учитель сказал: «Если будешь требователен к самому себе и снисходителен к другим, то избавишься от ропота».

Учитель сказал: «Если человек не говорит: как же быть? –

то и я не знаю, как с ним быть».

Учитель сказал: «Трудно тем, которые, проводя целые дни в компании, не обмолвятся словом о долге, а только любят пробавляться своим хитроумием».

Учитель сказал: «Благородный муж, признавая справедливость за основу, проводит ее при помощи правил, проявляет ее в уступчивости и завершает ее искренностью. Вот таков благородный муж».

Учитель сказал: «Благородный муж болеет о своей неспособности, а не о том, что люди не знают его».

Учитель сказал: «Благородный муж скорбит, что по смерти его имя не будет прославлено».

Учитель сказал: «Благородный муж ищет причины своих неудач в себе самом, а подлый человек ищет их в других».

Учитель сказал: «Благородный муж важен, но не сварлив, общителен, но ни с кем не вступает в сговор».

Учитель сказал: «Благородный муж не рекомендует людей из-за их слов и не отвергает слов из-за людей».

Цзы-гун спросил: «Есть ли слово, которым можно было

бы руководствоваться всю жизнь?» Учитель ответил: «Это взаимность». – «Чего себе не желаешь, того не делай другим».

Учитель сказал: «Льстивые речи запутывают добродетель, а маленькое нетерпение расстраивает великие замыслы».

Учитель сказал: «Когда все ненавидят или любят кого-либо, необходимо подвергать это проверке».

Учитель сказал: «Человек может сделать великой истину, но не истина человека».

Учитель сказал: «Ошибки, которые не исправляются, вот настоящие ошибки».

Учитель сказал: «Я целые дни проводил без пищи и целые ночи без сна, но нашел, что одни размышления бесполезны и лучше учиться».

Учитель сказал: «Благородный муж заботится об истине, а не о насущном хлебе. Вот земледелие, но и в нем скрывается возможность голода; а вот учение, в котором скрывается и жалованье. Благородный муж беспокоится о том, что он не достигнет познания истины, а не о том, что он беден».

Учитель сказал: «Если, достигнув знания, мы не в состоя-

нии будем хранить его при помощи человечности, то по приобретении непременно потеряем его. Если знание достигнуто и мы сможем хранить его при помощи человечности, но будем управлять без соблюдения внешнего достоинства, то народ не будет уважать нас. Но если и знание достигнуто, и мы сможем хранить его при помощи человечности, и будем управлять с достоинством, но не будем вдохновлять народ при помощи обрядовых правил, то это нехорошо».

Учитель сказал: «Благородный муж иногда может не знать мелочей, но может нести важные обязанности; между тем как мелкий человек не может нести важных обязанностей, но он может проявить свое знание в малых делах».

Учитель сказал: «Народ нуждается в человечности более, чем в огне и воде; я видел людей, умирающих от огня и воды, но не видел умиравших от того, что они были человечны».

Учитель сказал: «В человечности не уступай и учителю».

Учитель сказал: «Благородный муж прям и тверд, но не упрям».

Учитель сказал: «В обучении нет различий между людьми».

Учитель сказал: «Люди, идущие различными путями, не могут работать вместе».

Учитель сказал: «От слов требуется только, чтобы они были понятны».

Глава XVI

Когда фамилия Цзи намеревалась сделать нападение на владение Чжуаньюй, Жань-лу и Цзи-лу, явившись к Конфуцию, сказали: «Цзи намерены вступить в войну с Чжуаньюй». Тогда Конфуций сказал: «Цю, на самом деле не твоя ли это вина? Ведь Чжуаньюйский владетель сделан был прежним царем владетелем горы Дунмэн; кроме того, владение его находится в пределах княжества Лу, и владетель его есть подданный двора. С какой же стати нападать на него?» На это Жань-лу сказал: «Наш господин желает этого, а мы оба не желаем». Конфуций сказал: «Цю, Чжоу Жень говорил: покажи силу своего содействия, оставаясь на посту; не можешь – удались. Если вожак не поддерживает в опасном месте и не удерживает от нападения, то на что нужен он? Кроме того, твои слова ошибочны. Когда тигр или носорог выскочит из клетки, или же черепаха и яшма будут изломаны, находясь в шкатулке, то чья это будет вина?» Жань-лу на это сказал: «В настоящее время владение Чжуаньюй сильно и смежно с городом Би; если теперь не взять его, то впослед-

ствии оно непременно будет предметом беспокойства для фамилии Цзи». На это Конфуций сказал: «Цю, благородный муж не любит, когда люди умалчивают о своих корыстных побуждениях и непрерывно приискивают отговорки. Я слышал, что правители государства и главы домов не беспокоятся о том, что у них мало людей, а печалются о неравномерном распределении, не опасаются бедности, а опасаются смут; потому что при равномерном распределении богатств нет бедных, при согласии не бывает недостатка в людях, а при спокойствии невозможно падение государства. Поэтому, если отдаленные народы не приходят с покорностью, то для привлечения их следует заботиться о просвещении и нравственности, а когда они придут, следует доставить им спокойную жизнь. Теперь вы, Ю и Цю, помогаете вашему господину, а отдаленные народы не покоряются, и вы не в состоянии привлечь их; его государство распадается, народ удаляется и разбредается, и вы не можете сохранить его; а тут задумываете еще поднять войну внутри государства. Я боюсь, что опасность для Цзи-суня не в Чжуаньюе, а в стенах дома».

Конфуций сказал: «Когда во вселенной царит порядок, то церемонии, музыка и войны исходят от Сына Неба; когда же в ней царит беззаконие, то церемонии, музыка и войны исходят от удельных князей. Когда все это исходит от удельных князей, то редкие из них через десять поколений не теряют власти, когда все исходит от вельмож, то редкие из них че-

рез пять поколений не теряют власти; а когда бразды правления государством находятся в руках чиновников-вассалов, то редкие из них не теряют власти через три поколения, когда во вселенной царит закон, то правительственная власть не находится в руках вельмож, и народ не участвует в обсуждении дел».

Конфуций сказал: «Влечений, доставляющих человеку пользу, три, и влечений, причиняющих ему вред, три. Полезные влечения – это находить удовольствие в упражнении в церемониях и музыке, не переступая должных границ; в рассказах о добре других и во множестве достойных друзей. Вредные влечения – это находить удовольствие во влечении к роскоши, в разгуле и в страсти к пирам».

Конфуций сказал: «В присутствии лиц достойных и почтенных возможны три ошибки: говорить, когда не следует говорить, это называется опрометчивостью; не говорить, когда следует говорить, это называется скрытностью, и не обращать внимания на выражение лица – это называется слепотою».

Конфуций сказал: «Благородный муж должен остерегаться трех вещей: в молодости, когда жизненные силы не окрепли, сладострастия, в возмужалом возрасте, когда они только что окрепли, драки, и в старости, когда они ослабли, любо-

стяжания».

Конфуций сказал: «Для благородного мужа существует три предмета, перед которыми он благоговеет: веление Неба, великие мужи и слова мудреца. Подлый человек не знает велений Неба и не боится их, неучтиво обращается с великими мужами и презрительно относится к словам мудреца».

Конфуций сказал: «Те, которые имеют знание от рождения, суть высшие люди; следующие за ними – это те, которые приобретают знания учением; следующие за этими – это те, которые учатся, несмотря на свою непонятливость; непонятливые и неучащиеся составляют самый низший класс».

Конфуций сказал: «У благородного мужа девять дум: взирая, думает о том, чтобы видеть ясно; слушая – чтобы слышать отчетливо; по отношению к выражению лица думает о том, чтобы было любезное; по отношению к наружному виду думает о том, чтобы он был почтителен; по отношению к речи – чтобы она была искренна; по отношению к делам – чтобы быть внимательным к ним; в случае сомнения думает о том, чтобы кого-нибудь спросить; по отношению к гневу думает о тех бедствиях, которые он влечет за собой; при виде возможности приобрести что-либо думает о справедливости».

Конфуций сказал: «Людей, которые при виде добра неудержимо стремятся к нему, как бы опасаясь не достиг-

нуть его, при виде зла бегут от него, как от кипятка, опасаясь обвариться, я видел и слышал об этом. Что люди живут отшельниками для уяснения своих стремлений и осуществляют справедливость для преуспевания своего учения – об этом я слышал, но не видел таких людей».

Конфуций сказал: «У Циньского князя Цзина была одна тысяча четверок лошадей, а когда он умер, то народ не нашел в нем никаких добродетелей для прославления его; Бо-и и Шу-ци умерли с голоду в горах Шоу-ян, а народ донныне прославляет их. Не то ли это значит?»

Глава XVII

Учитель сказал: «По натуре люди близки друг другу, но по привычкам далеки».

Учитель сказал: «Только высшее знание и высшая глупость неизменны».

Цзы-чжан спросил о человечности. Конфуций сказал: «Кто в состоянии исполнить пять требований, тот будет человеком». – «Позволю спросить, что это такое?» Конфуций сказал: «Почтительность, великодушие, искренность, сметливость и доброта. Если человек почтителен, то он не подвергается пренебрежению, если человек великодушен, то он

привлекает к себе всех, если он честен, то люди полагаются на него, если он сметлив, то он будет иметь заслуги, если он милостив, то в состоянии будет распоряжаться людьми».

Учитель сказал: «Ю, слышал ли ты, что такое шесть слов и шесть недостатков?» «Нет», – был ответ. «Ну, постой, я объясню тебе: питать любовь к гуманности и не учиться – недостатком этого будет глупость, питать любовь к знанию и не любить учиться – недостатком этого будет шаткость, питать любовь к честности и не любить учиться – недостатком этого будет нанесение вреда людям; любить прямоту и не любить учиться – недостатком этого будет горячность; любить мужество и не любить учиться – недостатком этого будет возмущение; любить твердость и не любить учиться – недостатком этого будет сумасбродство».

Учитель сказал: «Ученики, почему не изучаете книгу “Ши цзин”? Ведь она может воодушевлять, может служить для того, чтобы видеть свои достоинства и недостатки, может делать человека общительным, может научить сдерживать негодование; в семье – научить служить отцу, в государстве – государю; из нее вы узнаете множество названий птиц, животных, деревьев и растений!»

Учитель сказал: «Церемонии, говорят, да церемонии! А разве под ними разумеются только яшмы и шелка? Музыка, говорят, да музыка! А разве под нею разумеются только му-

зыкальные колокола и барабаны?»

Учитель сказал: «Строгого по наружности и слабого в душе можно сравнить с человеком из низов, не походит ли он на вора, который проделывает отверстие в стене или перелезает через нее?»

Учитель сказал: «Деревенский любимчик – вор добродетели».

Учитель сказал: «Уличные слухи и рассказы – это поругание добродетели. Пересказывать на дороге – это значит бросать добродетель».

Учитель сказал: «С низким человеком можно ли служить государю? Когда он не достиг желаемого, то заботится о достижении его, а когда достигнет, боится, как бы не потерять, а при боязни потерять он готов на все».

Учитель сказал: «В древности люди имели три недостатка, которых ныне, пожалуй, и нет. Древние сумасброды были своевольны в мелочах, а нынешние отличаются полной разнузданностью; прежде строгие люди отличались суровостью, а ныне отличаются злобой и гневом; прежние простаки отличались прямотой, а нынешние – ложью».

Учитель сказал: «Хитрые речи и притворная наружность

редко соединяются с гуманностью».

Учитель сказал: «Я хочу перестать говорить». На это Цзыгун сказал: «Если Вы не будете говорить, то что же будут передавать Ваши ученики?» Учитель ответил: «Говорит ли что-нибудь Небо? А между тем времена года сменяются и твари рождаются. Говорит ли что-нибудь Небо?»

Цзай-во спросил: «Трехгодичный траур слишком продолжителен. Благородный муж, если в течение трех лет не будет упражняться в церемониях, то он непременно придет в расстройство. Если в течение трех лет не будет заниматься музыкой, то она непременно падет. Можно ли ограничиться годичным трауром, так как в течение года старый хлеб кончается и новый поступает, и огонь, получаемый от трения, меняется». Учитель сказал: «Был бы ты спокоен, кушая рис и одеваясь в парчу?» – «Был бы спокоен», – был ответ. «Но если ты был бы спокоен, – продолжал Конфуций, – то и делай так. А вот для благородного мужа во время траура пища не сладка, музыка не доставляет ему удовольствия и, живя в доме, он не спокоен. Поэтому он не делает этого, если же ты спокоен, ну и делай так». Когда Цзай-во вышел, Учитель сказал: «Такова Юйева непочтительность! Сын только через три года после рождения сходит с рук отца и матери. Трехгодичный траур есть всеобщий траур. А Юй разве не пользовался трехлетнею любовью своих родителей?!»

Относительно получения огня посредством трения дерева мы встречаем у китайцев следующие замечания: весной огонь добывается из тополя и ивы, летом – из жужуба и абрикосового дерева, в конце лета – из тутового дерева и шелковичного дуба, осенью – из дуба и акации и зимою – из софоры и красного дерева¹²

Учитель сказал: «Есть досыта целый день и ничем не заниматься – разве это не тяжело? Разве нет шахмат и шашек? Играть в них все-таки лучше, чем ничего не делать».

Цзы-лу сказал: «Предпочитает ли высокопоставленный человек мужество?» Учитель ответил: «Он ставит долг выше всего, потому что человек, занимающий высокое положение, обладая мужеством, но не имея сознания долга, делается мятежником, а человек, занимающий низкое положение, обладая мужеством, но не имея сознания долга, делается разбойником».

Цзы-гун спросил: «У благородного мужа есть также и

¹² Комментарий В. Малявина.

ненависть?» – «Есть, – ответил Учитель. – Он ненавидит людей, говорящих дурно о других, ненавидит тех, которые, занимая низкое положение, злословят высших, ненавидит храбрых, но наглых, смелых, но неразумных».

Учитель сказал: «С женщинами да со слугами трудно справиться. Приблужишь их, они становятся непокорными, а отдалишь – ропщут».

Учитель сказал: «Если кого ненавидят в сорок лет, тому ничего не остается делать».

Глава XIX

Цзы-ся сказал: «О том, кто ежедневно узнает, чего он не знал, и ежемесячно вспоминает то, чему научился, можно сказать, что он любит учиться».

Цзы-ся сказал: «В многоучении и непреклонной воле, неотступном вопрошании и тщательном размышлении есть также и человечность».

Цзы-ся сказал: «Ремесленники, чтобы изучить в совершенстве свое дело, помещаются в казенных мастерских; благородный муж учится, чтобы достигнуть высшего понимания своих принципов».

Цзы-ся сказал: «Ничтожный человек непременно прикрывает свои ошибки».

Цзы-ся сказал: «Благородный муж является в трех видах. Когда помотришь на него издали, он внушительен, приблизишься к нему, он ласков, слушаешь его речи, он строг».

Цзы-ся сказал: «Если великие обязанности не нарушаются, то в малых возможны отступления».

Цзы-ся сказал: «Если от службы остается досуг, то употребляй его на учение, а если от учения остается досуг, то употребляй его на службу».

Шусунь Ушу, обратившись к вельможам при дворе, сказал: «Цзы-гун даровитее и умнее Конфуция». Цзыфу Цзинбо сообщил об этом Цзы-гуну, который сказал: «Возьмем для примера дворцовую стену, моя стена доходит до плеч и через нее можно видеть, что есть хорошего в комнатах. Стена же Учителя в несколько саженей, и если не отыскать надлежащих ворот и не войти в них, то не увидишь красот храмов предков и богатства чинов империи; но отыскавших эти ворота, кажется, немного. Не потому ли твой начальник так говорит?»

Чэн Цзы-цинъ, обратившись к Цзы-гуну, сказал: «Ты только из почтения говоришь так. Возможно ли, чтобы Чжун-ни был достойнее тебя?» Цзы-гун сказал: «Благородного мужа за одно слово считают умным и за одно слово считают невежей; поэтому в словах нельзя не быть осторожным. Учитель недостижим, подобно Небу, на которое нельзя подняться по ступенькам. Если бы Учитель получил в управление княжество, то на нем оправдалось бы следующее изречение: «Кого он поставил бы на ноги, тот стоял бы; кого он повел бы, тот последовал бы за ним; кого приласкал бы, тот покорился бы ему; кого поощрил бы, те жили бы в согласии и мире; при жизни он был бы славен; его смерть была бы оплакиваема. Каким же образом возможно сравняться с ним?»

Глава XX

Цзы-чжан спросил у Конфуция: «Каким бы образом можно было вести дела правления?» Учитель ответил: «Следовать пяти прекрасным качествам и изгонять четыре скверных – этим путем можно вести дела правления». – «Что такое пять прекрасных качеств?» – спросил Цзы-чжан. Учитель ответил: «Когда правитель благодетельствует не расходуясь, налагает работу, не вызывая ропота, желает без алчности, доволен, но не горд, внушителен, но не свиреп». Цзы-чжан сказал: «Что значит благодетельствовать не расходуясь?» Учитель ответил: «Когда он будет доставлять пользу

народу, исходя из того, что для него полезно, – разве это не будет благодеянием без затрат? Когда он будет выбирать пригодную работу и заставляя их трудиться над ней, то кто же будет роптать? Когда он будет желать человечности и приобретет ее, то где же тут место для алчности? Когда для него не будет ни сильных, ни слабых по численности, ни малых, ни великих дел и он будет относиться с одинаковым уважением ко всем и ко всему, то разве это не будет самодовольство без гордости? Когда он оправит свое платье и шапку, его взор будет проникнут достоинством, и при взгляде на его внушительный вид люди будут чувствовать уважение – разве это не будет величием без свирепости?»

Цзы-чжан сказал: «Что такое четыре дурных качества?» – «Казнить людей, не наставив их, – это бесчеловечие; требовать немедленного исполнения чего-либо, не предупредив заранее, – это торопливость; медлить распоряжениями и требовать срочного исполнения их – это пагуба; давая людям что-нибудь, при самой выдаче проявлять скарედность – это будет чиновничество (т. е. мелочность, свойственная чиновнику, но не правителю)».

Учитель сказал: «Кто не признает судьбы, тот не может сделаться благородным мужем. (Не фаталист не может сделаться благородным мужем.) Кто не признает церемоний, тому неоткуда приобрести прочные устои. Кто не знает силы

слова, тому неоткуда будет узнать людей».

Перевод В. Малявина

Комментарии Е. Ямбурга

Семейные предания о Конфуции

Разъяснения речей о мудрых царях

Когда Конфуций находился на покое, его ученик Цзэн Шэнь прислуживал ему. Конфуций изрек: «О Шэнь! От нынешних правителей слышишь речи, которые могут понравиться разве что низшим чинам. Немного среди них таких, которые произносят речи, достойные мудрого царя. Увы! Если бы только я мог говорить с ними как истинный царь, то, не покидая своих домашних покоев, я смог бы изменить своими словами весь мир!»

Цзэн-цзы встал, сошел с сиденья и ответил: «Осмелюсь спросить о том, что такое речи, достойные мудрого царя?»

Конфуций хранил безмолвие.

– Прислуживая вам, Учитель, когда вы пребываете в праздности, трудно самому дать правильный ответ, – сказал Цзэн-цзы. – Посему я смею обратиться к вам с вопросом.

Конфуций по-прежнему хранил безмолвие, и Цзэн-цзы затрепетал от страха. Он поднял полы платья и почтительно отступил назад.

Спустя некоторое время Конфуций вздохнул и, повернувшись к Цзэн-цзы, сказал ему:

– Шэнь, могу ли я говорить с тобой о Пути мудрых царей?

– Не смею считать свои познания достаточными для этого, но почтительно прошу дать мне наставления, полагаясь на то, что известно мне.

– Сядь, и я поведаю тебе, – сказал Конфуций. – Истинный Путь – это то, благодаря чему проявляется внутреннее совершенство (дэ) вещей. Совершенство – это то, благодаря чему ценится Путь. Посему, если бы не было совершенства, то Путь не ценился бы в мире. Если бы не было Пути, то совершенство не проявилось бы в мире. Даже если ты обладаешь лучшим скакуном в царстве, не умея правильно седлать и погонять его, ты не сможешь добраться до места своего назначения. Даже если ты владеешь обширными пространствами и многочисленными подданными, не умея управлять ими в соответствии с правильным Путем, ты не сможешь обрести царскую власть. Вот почему в древние времена мудрые цари внутри совершенствовались в «семи учениях», а вовне осуществляли «три достижения».

Путь мудрых царей был таков, что, когда они защищали свое государство, они отгоняли врагов на тысячи ли. Когда же они выступали в поход, то вели своих воинов так, словно ступали по спальной циновке. Оттого и говорится: «Когда правитель внутри совершенствуется в “семи учениях”, он вовек будет покоен. Когда правитель осуществляет вовне “три достижения”, его богатства не будут растрочены попусту».

– Тот, кто всегда покоен внутри и не растрчивает попу-

сту богатства вовне, достоин зваться мудрым царем, – сказал Цзэн-цзы. – Могу ли я узнать, что это значит?

– В древности Шунь не покидал своего сиденья, а в мире всюду был порядок, – сказал Конфуций. – О чем тогда беспокоиться государю? Если в мире нет порядка, то вина лежит на государе. Если указы не выполняются, то вина лежит на подданных. А что до богатств царства, то древние цари брали себе только десятую часть урожая и отрывали людей на работы только три дня в году. Люди могли уходить в леса и на озера сообразно временам года, и за то никакой подати не взималось. На заставах и рынках не брали пошлин. Так как же могли растрачиваться попусту богатства народа?

– Осмелюсь спросить, что такое «семь учений»? – спросил Цзэн-цзы.

– Если верхи почтительны к старшим, то низы будут усердны в исполнении сыновней почтительности. Если верхи будут уважительны к своим господам, то низы будут усердны в преданности царю. Если верхи будут находить удовольствие в том, чтобы быть щедрыми, то низы будут добрее. Если верхи будут поощрять достойных, низы будут осмотрительны в выборе друзей. Если верхи будут любить духовную силу, низы не сгинут в неизвестности. Если верхи будут стыдиться жадности, низы не будут водить тяжб. Если верхи будут скромны и вежливы, низы будут знать чувство меры. Вот что такое «семь учений». Эти «семь учений» – основа управления людьми. Вообще же говоря, верхи должны слу-

жить образцом для низов. Если образец правилен, то кто в мире осмелится вести себя неправильно?

Пусть правитель прежде водворит в душе своей человечность, и тогда его чиновники будут преданны, воины – усердны в службе, люди – искренни, обычаи – безыскусны, люди – честны, а женщины – целомудренны.

– Сей Путь поистине совершенен! – воскликнул Цзэн-цзы. – Я, Ваш ученик, еще не способен понять его.

– Шэнь, неужто ты думаешь, что он исчерпывается этим? – сказал Конфуций. – В нем есть и многое другое. Мудрые цари древности, управляя государством, непременно дробили его, чтобы ввести уделы, и делили его, чтобы навести в нем порядок. Только тогда никто из достойных мужей не оставался в неизвестности, а нечестные люди нигде не могли спрятаться. Чиновники надзирали за народом каждый день и вникали в нужды людей во все времена года. Они приближали к себе достойных и отдаляли от себя недостойных. Они сострадали вдовам и вдовцам, вскармливали сирот и поддерживали бедных и нуждающихся. Верхи заботились о низах так же, как руки и ноги привержены к груди и сердцу. А низы любили верхи, как дитя любит мать. Когда же верхи и низы так привержены друг другу, то не останется невыполненным ни одно приказание. Все чтитли духовную силу царя: ближние склонялись перед ним, дальние наперебой устремлялись к его двору. Таковы высочайшие свершения царской власти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.